

Сергей Котов

Раненые звезды-2
хрупкий мир

Раненые звёзды

Сергей Котов

Раненые звёзды – 2: Хрупкий мир

«Литнет»

Котов С.

Раненые звёзды – 2: Хрупкий мир / С. Котов — «Литнет»,
— (Раненые звёзды)

Из пяти самых масштабных вымираний живых существ в истории Земли только три были вызваны естественными причинами. Оставшиеся два - это попытка колонизации, и уничтожения жизни на нашей планете. Я знал об этом, но не мог предположить, что мне и моему соратнику из элитного Корпуса специальных операций Марсианской гвардии предстоит участвовать в этих событиях. Чтобы сохранить родной мир, мне предстоит одолеть пришельцев, обладающих немыслимыми технологиями. Да, путешествие из далёкого прошлого в привычный мир оказалось не таким лёгким, как я рассчитывал. Но моя цель остаётся прежней: вернуться. И спасти родной мир от страшной участи - быть "считанным" неведомыми Создателями.

© Котов С.

© Литнет

Содержание

Часть I	5
1	5
2	8
3	13
4	17
5	21
6	26
7	29
8	32
9	35
10	39
11	43
12	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Раненые звёзды – 2: Хрупкий мир

Автор: Сергей Котов

Часть I

1

Эон: Протерозой

Эра: Неопротерозой

Период: Граница Венда и Криогения

635 млн. лет до Перехода

В этот раз из ледяной ловушки мы освободились быстро. Обошлось без приключений. И хорошо – а то мы итак двигались гораздо медленнее, чем я рассчитывал. Что поделать, древняя Земля оказалась куда более нестабильным местом, чем даже я предполагал.

К сожалению, я не мог использовать свои способности, чтобы высчитать направления и скорости дрейфа ледников и коры. Для этого не хватало вводных данных – пришлось бы покрыть сетью датчиков значительную часть земной поверхности. А мы с Каем не могли этого себе позволить. И вовсе не только потому, что у нас не было ресурсов. Ведь было неизвестно, когда в системе оказались чистильщики Создателей, чтобы убрать весь техногенный мусор, накопившийся за многие миллионы лет бездействия бота, создавшего систему. А чистильщикам, кто бы они ни были, попадаться «на глаза» совсем не хотелось.

Поэтому приходилось останавливаться чуть ли не каждые пятьдесят миллионов лет. И ладно бы это были бы просто остановки: вышел из стазиса, разобрался, в чём дело, перелетел на безопасное место. Иногда нас поджидали такие сюрпризы, что приходилось включать «соображалку» на полную, чтобы выбраться из передраги.

Например, около двухсот миллионов лет назад мы вернулись в поток нормального времени посреди озера лёгкой перегретой лавы, в которое медленно погружались в пузыре силового поля под давлением огромной ледяной глыбы, намерзшей сверху.

Движки включать было нельзя – для этого пришлось бы вырубить поле. А длины манипуляторов, которые мы обычно использовали для того, чтобы выбираться из льда и ям, не хватало. Проблему удалось решить через разбалансировку топлива по периферийным бакам. Благо, у челнока была такая возможность. Мы буквально выкатились из этого лавового озера; генератор поля переворачивался вместе с челноком, и это дало необходимую мобильность с помощью смещения центра масс.

Хорошо хоть соображал я быстро – промедли мы минуту-другую, и рисковали бы навечно застрять в камне. Ну, точнее, как навечно? Мы бы, конечно, прыгнули в стазис, и выходили бы в нормальный поток времени на несколько секунд, чтобы проверить: не вынесло ли нас на поверхность? Но тогда наше путешествие в будущее стало бы слишком непредсказуемым. Мы могли бы просидеть в стазисе до самого считывания, что меня категорически не устраивало. А то и вовсе навсегда застрять в мантии, если вдруг окажемся на конце одной литосферной плиты, «подныривающей» под другую.

Но в этот раз всё прошло гладко. Мы вместе с пузырьком силового поля всего-то успели вмёрзнуть в лёд по первой палубе. Нас выбило из стазиса из-за резко изменившегося внешнего давления.

Расчищая пространство вокруг с помощью манипуляторов, я всё думал о чужом челноке, который мы с Катей нашли на плато Маньчжунёр.

У той цивилизации, видимо, не было технологии поля стазиса. А, может, и была – но они намеренно оставляли челнок на виду, для своих, если вдруг кто спасётся.

Зато у них была очень продвинутая система стабилизации состояния. В принципе, для неживых систем она вполне себе была аналогом стазиса.

Но всё-таки тот корабль путешествовал вперёд во времени своим ходом. И ни разу не попал в ловушку, подобную той, в которые регулярно попадали мы. Он даже скалы под собой стабилизировал – из-за чего и появились те странные столбы выветривания. Что это было? Тонкий расчёт сейсмических процессов на миллионы лет вперёд? Или простая удача?

У меня в очередной раз не было ответа и на этот вопрос. Однако я всё больше беспокоился, по мере того, как мы приближались к Палеозою. Насколько пришельцы освоили Землю? Они ведь сумели пробить целую сеть подземных транспортных тоннелей. Не окажемся ли мы, вынырнув в очередной раз в нормальное время, посреди огромной стройки, организованной чужими? Это был бы номер, конечно. Но такой вариант нужно было постоянно держать в голове. И думать заранее, как реагировать.

– Гриша, – Кай ещё до старта нашего путешествия во времени выучил моё настоящее имя, и теперь старательно произносил его по-русски; вообще, ему было бы неплохо начать учить земные языки, иначе, когда мы, наконец, достигнем цели, он рисковал стать обузой, – давай остановимся здесь.

– Думаю, лучше перелетим вон на то плато, – я указал через иллюминатор на скалистое плато, видневшееся километрах в пяти от нас; оно уже было свободно от льда, и выглядело достаточно стабильно, чтобы продержаться несколько десятков миллионов лет.

– Конечно, – кивнул Кай, – но я не об этом. Мы уже скоро сутки как не спим. И не едим нормально. Нужен полноценный отдых – иначе во время очередного выхода мы рискуем допустить ошибку.

Я задумался на секунду. Потёр виски. И понял, что напарник прав: в голове надсадно гудело, руки были непривычно тяжёлыми, мысли ворочались неохотно, словно большие булыжники.

Всё-таки не зря я настоял, чтобы взять запасов на целые две недели.

– Добро, – кивнул я, – сейчас перелетим на новую стоянку, и отдохнём. Спим по очереди, по шесть часов. Первая вахта моя.

Я увидел, что Кай набрал воздуха в грудь, чтобы начать запыряться – конечно, он хотел стоять на вахте первым. Но я знал, что он хуже переносит земные условия. И за несколько месяцев после Венеры его организм потерял первичную адаптацию к повышенной гравитации.

– Никаких возражений, это приказ! – сказал я.

Кай выдохнул, и опустил глаза, так ничего и не сказав.

Компьютер челнока по звёздам определил время, на которое мы прыгнули в этот раз, и наши новые географические координаты. Тут ждал небольшой сюрприз: мы были чуть ли не на экваторе. В предыдущие скачки нам не слишком везло с местностью – мы выныривали или в периоды оледенения, или в приполярных областях. Так что теперь, после постоянной давящей белизны перед глазами, голый чёрный базальт выглядел чуть ли не празднично.

Короткий перелёт прошёл без приключений. Мы спокойно набрали нужную тягу, спокойно оторвались, и так же спокойно приземлились – уже в новой точке. Я установил новую конфигурацию силового поля, и погасил свет в рубке.

– Выспись хорошенько, – напутствовал я Кая, – не вздумай отправиться на тренировку, или заняться учёбой!

На челноке был небольшой спортзал, небольшой прощальный подарок от Камелии – она распорядилась оборудовать.

– Не буду, – пообещал Кай, отстёгиваясь от кресла.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая мир вокруг привычными оттенками багрянца. В какой-то момент я понял, что даже скучаю по закатам на Марсе, обыкновенно зеленоватым... времени прошло слишком мало, ни я ни Кай ещё толком не почувствовали, какая пропасть теперь отделяет нас от того, прежнего мира. Даже Солнце, по моим ощущениям, стало как-то больше за последние несколько прыжков. Я не знал, был ли этот эффект обусловлен атмосферными явлениями, или правда наша звезда выросла – но выяснять это у меня не было ни сил, ни желания.

Про себя я решил, что надо внимательнее наблюдать за напарником, и не пропустить момент, когда его «накроет». А в том, что рано или поздно это произойдет, я почти не сомневался.

Я наблюдал за тем, как в вечеряющем морозном небе вспыхивают первые звёзды. Интересно, удалось ли марсианским детям достичь своей звезды? Нашли ли они подходящую планету? Я верил, что когда-нибудь узнаю ответы на эти вопросы...

Край Солнца почти скрылся за горизонтом; на дальний ледник у границы каменистого плато легли длинные тени. И в этот момент я заметил нечто совершенно невозможное.

Как будто через тонкий снег шла цепочка следов. Я пару раз моргнул, чтобы убедиться, что мне не привиделось. Но нет: следы стали ещё более отчетливыми. Частая цепочка чередующихся черных точек.

К сожалению, я никогда не был силён в палеонтологии. Нахватался базовых понятий от специалистов, когда занимался раскопками – и только. Но я совершенно точно помнил, что никакой наземной жизни в Протерозое точно не было. В лучшем случае – первые морские многоклеточные.

Мне очень хотелось немедленно поднять дрон, или сходить самому, чтобы осмотреть всё на месте. Но я смог взять себя в руки. Глупо торопиться, когда постоянно имеешь дело с целыми эпохами.

Если следы действительно были – они точно дождутся утра. Тем более, что барометр говорил о том, что ожидается штиль. Да и осадков не намечалось.

2

Магнитное поле Земли в эту эпоху оказалось существенно сильнее поля древнего Марса. Поэтому пришлось повозиться, чтобы откалибровать дрон. Доступных навигационных спутников у нас не было, звёзды днём не видны. Оставалась только инерциальная система, которая давала большую погрешность в более сильном магнитном поле.

Решение этой проблемы заняло пару часов. Хорошо хоть на челноке оказались нужные запасы экранирующего элемента.

Конечно, я мог попробовать переписать программу дрона, и добавить поправку на магнитное поле. Но дело в том, что оно тут мало того, что было излишне напряженным, так ещё и не отличалось стабильностью. А предсказать его колебания без развитой сети датчиков даже мне не было по силам.

Пока автоматика пересобираала дрон, мы с Каем во всех деталях разглядели цепочку следов на леднике. Эти образования действительно выглядели как самые настоящие следы – причем существо, которое их оставило, явно опиралось на две конечности, а не на четыре.

Наконец, дрон взлетел. Через минуту мы получили изображение на мониторы.

Следы представляли из себя цепь идеально круглых ямок в довольно твёрдом снежном насте, идущих в шахматном порядке. Эта цепочка протянулась вдоль ледника – от каменистого пляжа до снежных барханов в глубине материка.

Из-за формы следов даже предположить, в каком направлении двигалось нечто, их оставившее, было совершенно невозможно.

Поэтому я решил направить дрон вглубь материка. Поначалу казалось, что это очевидное направление поиска: раз мы не видим ничего интересно на берегу, значит, то место, откуда пришло нечто, должно быть там, среди снега.

Это было ошибочное решение, которое стоило нам два часа времени. Дрон до упора летел вдоль прямой, как стрела, линии следов, пока они не начали теряться в снегах. Ближе к обеду подул ветерок, медленно, но неуклонно засыпающий круглые углубления снежной крошкой.

Наконец, я принял решение вернуть машину.

– Давай прогуляемся до пляжа, – предложил Кай.

Я тоскливо посмотрел через иллюминатор на ледник.

– А смысл? – ответил я, – следы упираются в прибрежную полосу. Куда дальше? Лучше уж давай зарядим дрон, и пошлём его снова.

– Потеря времени, – Кай пожал плечами, – пока туда-сюда, уже закат будет. Да и прогуляться хочется. Мы на этой планете уже несколько миллионов лет – а я так и не ступил на её поверхность.

Я задумался. Почесал подбородок. Потом ответил:

– По правде говоря, я бы сам ходил. Но одному из нас надо остаться на челноке.

– Зачем? – Кай пожал плечами, – какой смысл? Ты сам говорил, тут сейчас нет хищников.

– Так думают... то есть, будут думать наши палеонтологи, – заметил я, – но ведь что-то оставило эти следы?

– Если что-то опасное – то тем более надо, чтобы кто-то был рядом. Подстраховать, – заметил Кай

– Тогда мы, получается, рискуем будущим моего мира. Так хотя бы кто-то один доберётся.

Кай посмотрел на меня; его черные глаза блеснули в ярком солнечном свете. Потом он неожиданно прыснул, и рассмеялся.

Я сделал недоумевающее лицо.

– Ты бы посмотрел на себя, – сказал он, успокаиваясь, – ну у тебя и самомнение! Это в какой момент ты решил, что мир зависит только от тебя?

– В тот, когда узнал, что его ждёт, – сухо ответил я.

– Нет, всё-таки зря ты пренебрегал нашими священными текстами, – вздохнул Кай, – тебе нужно шире смотреть на мир. Чувство долга – это прекрасно. Но оно не должно мешать видеть вещи, такими, какие они есть. Да, возможно, ты сможешь помочь своему миру, если нам удастся добраться до твоего времени. А, возможно, не сможешь. Может, мы вообще не доберёмся. А, может, доберёмся – а помощь не понадобится. Вариантов – куча! А ты собственным решением замкнул в своей голове существование целого мира на себя самого.

Я чувствовал себя уязвлённым, но одновременно готов был признать, что напарник прав. Надо просто делать то, что задумал. И меньше размышлять о глобальном.

– Ладно, – вздохнул я, – пошли. Прогуляемся.

Кай улыбнулся, вскочил с кресла, и направился в нижние отсеки, к шлюзу.

Снаружи было прохладно. Не больше плюс десяти градусов по Цельсию. И это в полдень, на экваторе. Что поделать – мир только начинал выходить из ледяной спячки, которая продлилась десятки миллионов лет. Я попытался вспомнить, что именно вызвало такое кардинальное изменение среды. Кажется, речь шла о вулканах, выбросах пепла и углекислого газа, который создавал парниковый эффект.

Что ж. В кои-то веки нам повезло, и нас выбило из стазиса вне сейсмически активных районов.

Мы пользовались кислородными масками, и изолирующими костюмами со встроенным подогревом. Содержание кислорода в атмосфере было сильно больше оптимального.

Я хотел воспользоваться ровером, но Кай отговорил: мол, идти не больше получаса. И что за прогулка такая на колёсах? Я согласился с ним, хотя прекрасно понимал, что для него эта прогулка может стать настоящим испытанием. Адаптация к высокой гравитации для него только начиналась.

До ледника дошли быстро – ступать по плоскому и шершавому базальту было очень удобно. На снежной верхушке ледника лежал слой довольно твёрдого наста. Настолько твёрдого, что меня и Кая он выдерживал без проблем. Настораживающее открытие. Это значило, что нечто, оставившее следы, было значительно тяжелее нас.

Сами следы были совершенно ничем не примечательны. Идеально круглые углубления, с плоским дном, размером с человеческую стопу.

Мы шли вдоль цепочки, пока не упёрлись в каменистый пляж. Увесистую гальку шевелил ленивый холодный прибой. Кое-где возле воды камни были покрыты склизким налётом.

Кай остановился у полосы прибоя, упёр руки в бока, и огляделся.

– Ну что? Направо или налево? – спросил он.

– Надо бы монетку подбросить... – пробормотал я.

– Что такое монетка?

– Вид денег.

– У вас что, принято бросать деньги, если нужно что-то выбрать? – удивился Кай.

– Если не можешь сделать выбор на основании других критериев, – уточнил я.

– Интересно. Странно, что мы до этого не додумались...

– Давай налево, – я быстро принял решение, пока речь не зашла о Марсе, которого больше нет.

– Ты решил без монетки? – Кай обернулся ко мне.

– Всё равно у меня нет ни одной, – я развёл руками, – поэтому идём до половины запаса газовой смеси. Местным воздухом лучше дышать – кислорода многовато, да с радиационным фоном есть непонятки, – я действительно проверил перед выходом показания счётчика

радиации, и они оказались неожиданно высокими. Не на опасном уровне – но понаблюдать стоило. Поэтому среди прочего снаряжения я взял с собой портативный дозиметр.

Идти пришлось довольно долго. За пределы прямой видимости челнока. Надо сказать, это меня немного напрягало: остаться как есть в этом негостеприимном холодном мире совсем не хотелось.

За очередным изгибом береговой линии, когда мы миновали довольно высокий базальтовый утёс, в шуме прибоя мне вдруг что-то послышалось. Какой-то ритмический шум.

Я поднял руку, и остановился. Кай встал рядом.

– Что такое? – спросил он.

– Тс-с-с, тихо, – ответил я, – слышишь?

– Вроде как прибой, но слишком часто для волн, – через несколько секунд сказал Кай.

– Ага, – кивнул я, – значит, не показалось. Это оттуда, – я показал рукой на следующий утёс, который маячил вдали. Надо сказать, что здешний рельеф морского берега совсем не был похож на привычный мне. Скалы и утёсы тут были ровными, обточенными ледниками, водой и ветрами, но без осадочной складчатости. Просто потому, что осадочные породы ещё не успели сформироваться. Эта Земля всё еще была молодой...

– Согласен, – кивнул Кай, – пошли быстрее!

– Слушай, ты уверен... – я хотел было спросить напарника, точно ли он нормально переносит нагрузки, но тот рванул вперёд так, что мне пришлось его догонять.

Источник ритмического шума мы увидели издалека. Высокая фигура, издалека напоминающая человека, двигалась вдоль берега, кроша пляжную гальку. Её маршрут был довольно странным: сначала она делала двадцать шагов вдоль берега, потом останавливалась, подходила к самой воде, замирала на несколько секунд, потом разворачивалась и шла обратно. Затем цикл повторялся.

Увидев фигуру, Кай распластался среди камней. Я тоже предпочёл продолжить наблюдения из укрытия, и спрятался за крупным валуном.

– Гриша, что это? – Кай активировал систему радиосвязи; когда его голос раздался у самого уха, я даже вздрогнул он неожиданности.

Прежде, чем ответить, я продолжал несколько секунд наблюдать за фигурой. Расстояние всё еще было довольно большим, но я довольно быстро понял, что внешнее сходство с человеком – обманчиво. Туловище у создания было непропорционально длинным, головы не наблюдалось вовсе, верхних конечностей было точно больше двух, и располагались они в районе пояса. А ещё – в движениях этой штуковины, в их бесконечном повторении, чувствовалось нечто механическое.

– Думаю, это похоже на автомат, – тихо ответил я.

Я видел, как Кай осторожно поднял голову.

– Согласен, – ответил он, – будто по программе работает. Что будем делать? Подойдем ближе?

– Подойдем, – кивнул я, – я иду вперёд. Ты держишь излучатель наготове.

– Что, готов сам рискнуть будущим целого мира? – усмехнулся Кай.

– Да иди ты! – ответил я, выбираясь из-за валуна.

Это действительно был робот. Сильно потрёпанный, очень старый автомат. Его корпус, возможно, был некогда покрыт защитным напылением или краской, но теперь представлял собой жалкое зрелище из покрытых коррозией металлических пластин и ошмётков каких-то полимеров. Сквозь него были видны «внутренности» – какие-то тяги, приводы, пучки шин, слипшиеся в комки.

Наше появление не произвело на робота никакого впечатления. Автомат всё так же продолжал шлёпать по гальке, кроша её твердой поступью своих колоннообразных «ног».

– Ты видишь камеры? Или другие сенсоры? – спросил Кай.

– Неа, – я отрицательно помотал головой, – возможно, они были на корпусе – видишь, там что-то вроде обломанного штыря?

– Возможно, – кивнул Кай, – значит, он сейчас работает на инерциалке. Странно, что она ещё не накрылась.

– Интересно, откуда он берёт энегию? – спросил я, доставая из комбеза дозиметр. Я включил режим счётчика, и направил сенсор прибор на робота. Показатели медленно поползли вверх, – а вот и ответ. Похоже, изотопный источник энергии. Очень долгоиграющий, судя по его состоянию.

– Мог бы меня спросить, – заметил Кай, я давно почувствовал, – и что мы теперь будем с этой штуковиной делать?

– Ничего не будем, – ответил я, – понаблюдаем. Посмотрим, чем он тут так занят. Если понадобится – проследим, куда он ходит через ледник.

– Добро, – кивнул Кай, – это если у нас кислорода хватит.

– Посмотрим, – ответил я.

В этот момент автомат закончил шагать вдоль берега, с гудением развернулся, и начал спускаться к воде.

Только теперь я заметил, что вдоль всего берега, на самой кромке воды, стоят какие-то едва приметные штырьки, к которым крепилось что-то похожее на чёрную верёвку или леску. Штырьки были расположены неравномерно; в их рядах были промежутки, некоторые стояли без «лесок», а некоторые были сломаны.

Тот, к которому подошёл автомат, был целым. Робот склонился над ним. Опустил один из верхних манипуляторов, из которого выдвинулась конструкция, очень похожая на лебёдку. Как выяснилось через секунду – это лебёдка и была. Автомат подцепил «леску», внутри лебёдки с надсадным гудением заработал мотор.

На «леске» были подвешены дискообразные решетчатые ячейки, которые медленно поднимались из волн. На некоторых из ячеек кое-что было. Я сначала не разглядел, что именно. Робот равнодушно «проматывал» пустые ячейки даже не замедляя скорость вращения лебёдки. А когда подошла первая, с какой-то полупрозрачной аморфной массой наверху, гудение мотора стихло. Наверху у робота поднялась овальная крышка. Удерживая одним манипулятором диск, вторым автомат ловко схватил нечто, лежащее на нём, и отправил его в открывшееся на верхнем торце отверстие.

То, что автомат выловил из моря, отдалённо напоминало медузу. Такое же желеобразное полупрозрачное тело. Только это тело было разделено на тонкие ветвящиеся сегменты, очень похожие на стёганное одеяло.

– Старый рыбак у моря... – пробормотал Кай, и зачем-то осенил себя знаменем Секиры.

– Ты чего? – спросил я.

– Да так... – всё так же тихо ответил Кай, – зря ты так и не прочитал Книгу Ветра и Крови. Там есть одна легенда, про рыбака. Его Арес приговорил к вечной жизни за то, что тот не спас детей с вражеского корабля, который разбился на скалах. Народ рыбака враждовал с ним многие столетия, постоянно совершенствуя формы и методы войны. И вот у врагов случилось несчастье: их остров, с которого они совершали набеги, поглотил пробудившийся в море вулкан. Они пытались спасти на последних кораблях самое дорогое, что у них есть – детей. Но они нарвались на скалы в штормовую ночь... рыбак мог спасти хотя бы некоторых из них. Они тянули к нему из воды свои руки, но он отвёл лодку в сторону, не решившись пожертвовать богатым дневным уловом. Эти дети были последними в своём роду. Племя вымерло. Враждовать стало не с кем. И всего за одно поколение народ рыбака погряз в праздности и разврате...

– Ясно, – кивнул я после долгой паузы.

– Как думаешь, они добрались? У них всё в порядке? – он посмотрел на меня широко открытыми чёрными глазами, влажно блестящими на солнце.

– Да, Кай, – серьезно кивнул я, – конечно, они добрались. У них всё в порядке. Возможно, когда-то мы об этом узнаем.

Кай вздохнул. Посмотрел на робота, и серьезно кивнул.

– Понятно, что он собирает органику, – сказал он, ещё раз оглядев робота, – но кому и для чего?

– Вот давай и выясним, – предложил я.

3

У ровера был режим, расширяющий опорную поверхность колёс почти до нормы шин низкого давления. Очень удобно для езды по снежному насту.

Мы ехали за роботом уже четыре часа. Сначала догоняли – он успел уйти вперёд, пока мы возвращались к челноку, готовили ровер и припасы. А потом тащились рядом со скоростью пешехода. И, надо сказать, такое путешествие было очень уж утомительным: кругом ничего, кроме бесконечной белой равнины. Такое однообразие подавляло психологически. Что-то похожее, должно быть, испытывают полярники на антарктических станциях. Но там всё равно гораздо легче: когда знаешь, что где-то за горизонтом есть нормальный мир, с городами, морями, лесами и пустынями. Здесь же почти вся планета всё ещё представляла из себя один большой снежок, лишь кое-где разбавленный чёрными пятнами пробудившихся вулканов.

– Знаешь, я до сих пор плохо читаю на марсианском, – признался я, что бы начать разговор.

– Сейчас уже и нет смысла его учить, – вздохнул Кай, – наверное. Даже если у детей всё было хорошо – кто знает, во что они превратились сейчас?

– Неправда, – возразил я, – любой язык развивает мышление. Учит думать по-разному. Человек, который знает много языков, всегда имеет преимущество.

– Может, ты и прав, – согласился Кай.

– Я хочу прочитать Книгу Ветра и Крови, – сказал я, – может, даже переведу её на русский. И выложу в сети. Тогда у нас останется очень важная часть твоего мира.

– Ты... правда сможешь это сделать? – Кай как-то по особенно взглянул на меня.

– Конечно, – кивнул я, – почему нет? Вот только для этого надо, что мой мир выжил.

– Скоро стемнеет, – заметил Кай, поглядев на Солнце, начавшее клониться к закату, – будем ехать дальше?

– Поедем, – ответил я.

– Придётся включить фары, – заметил Кай, – представляешь, как приметно они будут выглядеть в ледяном царстве ночи?

– Представляю. Ты, кстати, вроде бы видишь лучше обычного человека, нет? Может, без фар поедем?

– Только не в этих льдах, – Кай покачал головой, – сам робот немного светится, но недостаточно, чтобы вести ровер. Надо было брать более сложный, с инерциальной системой и автопилотом.

– Кто ж думал, что мы такое встретим, – резонно заметил я, – ладно. Фары так фары. Мы всё равно всегда рискуем, когда вываливаемся в обычное время. Челнок сложно не заметить, знаешь ли.

– Согласен, – кивнул Кай.

На закате мы добрались к подножью старого кряжа, который, видимо, только недавно поднялся над ледяной поверхностью.

– Там что-то есть, – Кай указал рукой в ту сторону, куда топал автомат, – не видишь?

Я посмотрел туда же, но не разглядел ничего, кроме чёрных скал.

– Нет, – я покачал головой, – ты уверен?

– Абсолютно, – кивнул Кай, – какая-то штуковина. Сферическая. Тёмная. Размером с половину нашего челнока.

– Ого!

– Будет обидно, если это окажется банальный рыбный склад, – с улыбкой заметил Кай.

Когда мы увидели объект, мы прибавили скорость, и обогнали робота, который продолжал размеренно шлёпать по снежному плато далеко у нас за спинами.

Это был не рыбный склад. Больше всего это было похоже на спускаемую орбитальную капсулу, без двигателей и баков – только гротескно огромную, метров десяти в диаметре. Однако, для орбитальной капсулы у неё была слишком тонкая обшивка из листового металла, который кое-где прогнул насквозь. В сумеречном свете внутренности было не разглядеть, и я, поколебавшись секунду, включил фонарик.

– Гриша! – позвал Кай; он обследовал объект с другой стороны, – похоже, тут вход!

– Иду! – ответил я, посветив фонариком в одну из прорех. Внутри – нагромождение какой-то бесформенной ржавчины, да обрывки проводов со шлангами. О назначении помещения оставалось только гадать.

С другой стороны действительно был вход. Даже трап частично сохранился, правда, лишившись половины лестниц.

– Похоже на спускаемый аппарат, – Кай повторил мои догадки, – только огромный. И без термозащиты. Непонятно, как они садились. Может, поле какое-то?

– Может, – кивнул я, – хотя силовые поля – это всё-таки другой уровень технологий. Эта штукавина выглядит... – за запнулся, пытаюсь подобрать правильное слово.

– Примитивной? – предположил Кай.

– Точно, – согласился я, – примитивной. Хотя раньше бы у меня язык не повернулся назвать что-либо, явно принадлежащее ядерно-космическому веку примитивным.

– Будем подниматься внутрь, или дождёмся робота?

Я посмотрел на стремительно тающий на горизонте краешек солнечного диска.

– Поднимаемся, – ответил я, – только осторожно. Ступай только там, где уже наступил я. Эта штука насквозь гнилая. А я могу рассчитать нагрузки, чтобы её остатки выдержали мой вес.

– Принято, первый, – кивнул Кай.

Сразу за трапом было помещение, в котором я с некоторым трудом опознал шлюзовую камеру. Значит, всё-таки эта штука была рассчитана на космос. Сразу за шлюзом был прямой проход с относительно неплохо сохранившейся палубой. Стены и потолок когда-то, видимо, были облицованы каким-то полимером, но сейчас от него остались только полуразложившиеся лохмотья, свисающие с неряшливых клубков вспученных труб и проводов.

Коридор заканчивался полуоткрытым ржавым люком. Оставшийся проход, впрочем, был достаточно широким, чтобы его можно было спокойно пройти, даже не задевая переборки.

Внутри было шарообразное помещение, заполненное таким же технологическим хламом. Кое-где угадывались следы того, что когда-то, видимо, было мониторами. Осмотрев стены, я направил луч фонарика в центр. Там, спинка к спинке, стояли остовы четырёх кресел, на которых застыли четыре человеческих скелета в том, что когда-то было одеждой.

Кай вошёл в помещение вслед за мной. Посветил на останки экипажа. Потом, осторожно ступая по захламлённой палубе, подошёл к ним ближе.

– Вроде бы люди... – сказал он, внимательно оглядывая скелеты, – все кости на месте.

Моё внимание привлекла поверхность возле одного из кресел. Она была похожа на выдвигной столик, на который нагромодили кучу хлама. Кое-что из этой кучи напоминало по форме книги или блокноты. Я подошёл ближе, и аккуратно, перчаткой смахнул слой пыли и грязи.

Видимо, это действительно были книги, или журналы, или какие-то другие аналоги печатных носителей информации. Под слоем грязи оказалась обложка, покрытая какими-то совершенно незнакомыми мне значками.

– Кай, подойди-ка, – попросил я, – глянь. Это похоже на какой-то из марсианских языков?

Я поднял глаза, и обнаружил, что Кай уже отошёл от скелетов. Его заинтересовала конструкция, похожая на огромную астрольбию, установленная прямо в центре помещения. Напарник протянул руку к чему-то, закреплённому в самом её центре.

Я не сразу понял, что вижу. Может, потому, что в первую секунду просто не поверил своим глазам. Сначала я подумал, что перед нами был тот самый тюрвинг, который когда-то отыскал в другой могиле, в Подмоскovie. Но нет – этот артефакт был очень похож внешне, но имелись и отличия. Полоса зарядов на нём светилась тусклым красным светом, а не голубым, как на моём тюрвинге. И она была сплошной. Никакого намёка на отдельные патроны.

– Стой! – крикнул я, – не трожь!

Но было поздно.

Кай замер, схватившись за рукоятку тюрвинга, и посмотрел на меня с недоумением.

– Не двигайся, – сказал я, – очень осторожно отпусти эту штуковину. И очень медленно отойди. Возможно, всё обойдётся...

– Ты знаешь, что это такое? – спросил он, медленно расслабляя пальцы, держащие рукоятку.

– Да, – кивнул я, – очень похоже на ту штуку, с помощью которой я попал в твоё время.

Кай так широко открыл глаза, что мне даже показалось, будто они вспыхнули отражённым светом, как у кота.

– Ох и ничего себе... мы сможем вернуться в прошлое?

– Нет, – я покачал головой, – не знаю. Это другой тюрвинг. Рукоятка отличается. Ну, чего ты застрял? Давай, плавно убирай руку и отходи.

Кай натянуто улыбнулся и ответил:

– Не могу.

– Что ты задумал?

– Ничего я не задумал. Не могу ладонь разжать. Эта штуковина как приклеилась.

– Стой. Не двигайся. Ничего не делай. Я думаю.

И я действительно задумался. Используя все способности.

Кресла. Амортизаторы. Расчет перегрузок, для которых они предназначены. Нет, эта штуковина, в которой мы находились, не могла быть космическим кораблём. Несмотря на шлюзовые камеры и исходную герметичность корпуса. Кресла не были предназначены для сильных перегрузок. Скелеты в креслах. Реконструкция. Это был совсем новый опыт – перед моими глазами останки обрастали плотью, наполнялись мышцы, натягивались сухожилия. Слишком массивное сложение для того, чтобы их можно было считать уроженцами Марса. Ещё одни путешественники в прошлое из привычного мне мира? Если и так – то точно не с помощью тюрвинга. Иначе они попали бы сюда голыми. Одежда. Реконструкция. Манера кроя не земная и не марсианская. Что-то совсем иное. И эмблемы – незнакомые значки и символы. Нагрудный знак – что-то вроде вышитой пиктограммы, изображающей Солнечную систему. Фаэтона на схеме нет. Всю систему пронзает тонкая изогнутая стрела, которая начинается у второй планеты.

Значит, венерианцы.

Но как они попали на Землю на этой штуковине? Нее время думать об этом. Надо понять, что происходит с Каем, и как его вытащить!

– Странное чувство, – сказал напарник, преувеличено спокойным голосом, – как будто оно прорастает в меня...

«Думай же!» – скомандовал я себе.

Установка с тюрвингом. Это просто. Очень похоже на прицельный механизм. Вот только как он стреляет? Из центра конструкции? Ничего похожего на пушечные порты или амбразуры. Дальше ещё интереснее. Сам механизм, и его основание – единый монолит. Частью этого же монолита являются силовые конструкции сферы, внутри которой мы находимся. Ясно, что эту

штуковину построили вокруг тюрвинга, чтобы использовать какие-то его свойства, не прикасаясь к нему.

Это что, что-то вроде двигателя?

«Не время!» – одёрнул я себя. Хотя думал я очень быстро, мир вокруг будто застыл. Но мои исследования никак не приближали меня к цели – вытащить Кая.

Сам тюрвинг. Тёмное пятно. Ни внутренней структуры, ни намёка на принцип действия не разглядеть.

Рука Кая. Уже толще, чем положено. Перчатка на какое-то время сдержала то, что пытались в него проникнуть, но видно это нечто уже преодолело барьер. Напарнику больно – я это легко считывал, несмотря на его попытки скрыть очевидное.

Выхода нет.

Кроме, разве что, одного.

Каков шанс на то, что этот тюрвинг тоже окажется мне послушным, и меня не убьёт?

Очень высокий. Почти девяносто процентов. Ведь меня уже послушались два тюрвинга. Уникальный случай в истории, если верить Кате.

Не размышляя больше, я одним прыжком преодолел разделяющее нас расстояние. Сорвал перчатки. Обеими руками взялся за тюрвинг, стараясь выдавить ладонь Кая с рукоятки.

Он не выдержал, и зашипел – от боли. Руку пришлось буквально отдирать от рукоятки тюрвинга – вместе с остатками перчатки и кожей. На пол с глухим звуком упали первые крупные капли крови.

– Как мы будем отдирать тебя? – выдавил Кай через сжатые зубы.

– Никак, – ответил я, – аптечку, быстро. Пластырь регенератор, и все antidotes. Вколоть немедленно.

Кай окончательно освободился, но продолжал стоять рядом, зажимая раненую ладонь здоровой.

– Не раньше, чем освободим тебя! – сказал он, упрямо глядя мне в глаза.

Вместо ответа я спокойно отпустил рукоятку тюрвинга.

– Делай, как я сказал, – ответил я, – и в следующий раз рассуждай поменьше, если хочешь жить.

Я достал свою аптечку, и быстро нашёл регенерирующий пластырь.

4

Когда мы закончили перевязку, откуда-то снизу раздались глухие металлические удары. Кай сильно вздрогнул, и схватился за рукоятку оружия, которое мы, конечно же, брали с собой.

– Спокойно, – сказал я, – забыл про робота? Он, похоже, добрался до места назначения. Пойдем, посмотрим, что он делает со своей добычей.

Это действительно был робот. Он дотопал до сферы, остановился прямо возле изъеденной коррозией выпуклой стены, и теперь двумя нижними манипуляторами рывками выдвигал что-то вроде треугольного лотка. Тот поддавался неохотно, с надсадным ржавыми скрипом.

Наконец, «лоток» был полностью открыт. Робот открыл крышку наверху корпуса, запустил туда манипулятор, и начал одну за одной вытаскивать несчастных морских тварей, порядком усохших за время долгого перехода, а кое-где и подмороженных. После заката температура опустилась ниже нуля.

– Для исследования? – предположил Кай, наблюдая за этой картиной.

– Или пополнение припасов, – ответил я, – им для чего-то нужна была органика.

– Можешь определить, для чего?

– Скорее всего. Но не сейчас. После моего особого режима мне бы поесть хорошенько.

И поспать бы желательно.

– Ты ради меня входил в режим? – спросил Кай с восхищением.

– Входил, – подтвердил я.

– Круто. Но жалко, что твои способности не работают постоянно. Как у меня. Один раз прошёл инициацию – и всё. Магнитные поля, радиацию, и другие подобные вещи я чувствую всегда.

– Я знаю, – вздохнул я, – повезло тебе.

Я спустился по трапу и направился к роверу.

– Что, уже уезжаем? – спросил Кай.

– Нет, – ответил я не оборачиваясь, – батончик возьму из сухпайка. Очень есть хочется.

Перекусив на ходу, я вернулся к трапу, где меня ждал Кай. Робот закончил выгрузку, и теперь рывками ставил надсадно скрипящий «лоток» на место.

– Если тебе отдохнуть надо – значит, мы тут ещё на день задержимся? – спросил Кай.

– Нежелательно бы, – ответил я, – но просто так мы уйти не можем. Надо забрать тюрвинг.

И попытаться выяснить, как он у них оказался.

– Ты собрался допросить покойников? – усмехнулся Кай, – кстати, Аресу было бы угодно, если бы мы предали эту могилу огню.

– Возможно, мы так и сделаем, – кивнул я, – но сначала изучим носители информации.

– Они тут есть? – удивился напарник.

– Возле одного из кресел я видел что-то, напоминающее книги или журналы. А ещё там точно есть электронные носители. Посмотрим, может, мне удастся что-то считать.

В состоянии, когда включается квантовый компьютер в моём мозгу, я могу очень быстро выучить любой язык. Свободно на нём изъясняться, писать и читать. Вот только проблема в том, что знание этого языка улетучивается вместе с «выключением супер-режима».

Однако на том языке, на котором были написаны документы, мне не нужно было разговаривать. Достаточно было один раз понять и зафиксировать написанное. Хорошо, что цивилизация, построившая сферу, была достаточно консервативной, и использовала аналоги бортовых журналов на носителях, не зависящих от электросети. Больше того – сам бортовой журнал был сделан не из бумаги, а из какого-то очень устойчивого полимера, который благополучно перенёс многие годы, прошедшие после гибели экипажа.

Но, к сожалению, текста было слишком мало. Я едва мог разобрать строй речи; о значении морфологических единиц оставалось только догадываться. Этот язык был одинаково далёк как от марсианских диалектов, так и от земных.

Один из текстов действительно оказался бортовым журналом. Я смог определить значения датировки, временные периоды, равные венерианским суткам, месяцам (из десяти суток) и годам (двадцать месяцев) Я смутно припоминал, что в наше время день на Венере длится значительно дольше. Чуть ли не полгода. Возможно, это говорит о произошедшем на планете катаклизме.

Но вот с точным описанием событий, последовательно занесённых в журнале, всё оказалось значительно сложнее. Приходилось ступать на зыбкую почву догадок и предположений. Просчитывать множество вариантов, выбирая наиболее вероятный с позиции здравого смысла.

Похоже, тюрвинг они действительно использовали не в качестве оружия, а в качестве силовой установки. Моя первоначальная безумная догадка, видимо, оказалось правдивой.

В бортовом журнале были чередующиеся события, обозначенное знаком активации, и знаком, который, как я посчитал, обозначал тюрвинг. Сразу после этих событий шли данные, которые, по моим предположениям, обозначали пространственные координаты в гелиоцентрической системе. Координаты очень сильно отличались. Настолько сильно, что сделав это открытие, я чуть не выпал из «особого режима». Ещё раз перепроверил свои вычисления, которые касались цифровых обозначений языка. Их я определил почти сразу и, насколько мне представлялось, достаточно точно.

Ошибки быть не могло. Каждый раз после активации тюрвинга координаты указывали на точки, отстоящие друг от друга на десятки, и даже сотни астрономических единиц, в переводе на привычные мне земные цифры. Причем не всегда в плоскости эклиптики!

Итак, эта сфера всё-таки была кораблём. Построенным вокруг неизвестного мне тюрвинга, который, судя по всему, имел свойство переносить своего обладателя на значительное расстояние. Как именно он это делал – было совершенно непонятно. Пятимерный переход, как у создателей? Или что-то ещё?

У меня не было ответа на эти вопросы. Не было их и в журнале.

Проанализировав ещё раз конструкцию сферы с учётом новой полученной информации, я выяснил кое-что ценное.

Во-первых, этот тюрвинг мог активироваться дистанционно. Его не обязательно было брать в руки живому человеку, рискуя жизнью. Это выгодно отличало его от артефакта, который отправил в прошлое меня. Ведь тот работал только с живыми существами. Он даже заряд копил, когда я стрелял «в пустоту» на борту корабля Алисы, пока я его в себя не направил. Кстати, не связано ли это с фундаментальными ограничениями путешествий во времени? Живая материя отличается от не живой только тем, что является носителем более плотно структурированной «избыточной» информации.

«Стоп! – я одёрнул себя, – не сейчас. Важнее получить прикладную информацию. О глобальном потопе»

Во-вторых, этот новый тюрвинг переносил в пространстве то, что непосредственно с ним соприкасалось. Именно поэтому навигационный прибор, скоба, нажимающая на спусковой крючок, и силовая структура самой сферы представляли собой единый монолит. Не сложно оказалось и определить сам механизм действия тюрвинга. Нужно навести «ствол» в ту сторону, куда необходимо переместиться. Нажать спусковой крючок. Интенсивность и время нажатия определяет расстояние, на которое нужно переместиться. Проще некуда.

Ещё одна книга оказалась техническим описанием чего-то вроде биологического реактора. Аппарата по переработке любой органики. Там были схемы и иллюстрации, описывающие процессы загрузки сырья и программирование аппарата. Но подробнее изучить это фоли-

ант я не смог. От голода уже темнело в глазах. Я слишком много энергии потратил на рисование вероятностных схем интерпретации жалких крох чужого языка.

– На, перекуси, – Кай протягивал мне плитку белкового концентрата. Кажется, я проглотил её, даже забыв прожевать, – тебе нужно отдохнуть, выглядишь не очень.

Молодец, парень. Не стал донимать меня запросами сразу.

Я запил концентрат водой. А потом уснул прямо на месте, в кресле, откинувшись на спинку.

Погребальный костёр потребовал небольших, но всё-таки ресурсов, которых у нас было в обрез. Но я пошёл на это – чтобы дать Каю почувствовать, что марсианские обычаи живы. А, значит, его родной мир не сгинул в неизвестности, окончательно и бесповоротно. По прихотливой иронии судьбы, этот костёр был не только проявлением вечной скорби, но и надежды.

– Они всерьёз думали, что смогут восстановить свою цивилизацию тут, на Земле, – наблюдая за последними приготовлениями, я рассказывал Каю всё, что удалось узнать о погибших. На это ушло ещё два дня локального времени, – собирали органику, чтобы синтезировать пищу. В чём-то их расчёт мог быть даже оправдан, – признал я, – немного больше везения. И они вполне могли бы стать землянами. Задолго до нас.

– Удалось выяснить, что их убило? – Кай прервался на секунду, и посмотрел в мою сторону.

– Нет, – я покачал головой, – эта загадка оказалась не по зубам даже мне. На останках никаких следов насилия. А следов химических веществ внутри капсулы было слишком много. Десятки из них могли быть следами разложения ядов. А могли и не быть.

– Может, болезнь? – предположил напарник.

– Ещё менее вероятно, чем яд, – я покачал головой, – смертельные заразы оставляют следы. Даже в костях. Я бы нашёл.

– Что же – в один прекрасный момент они просто решили сесть и умереть?

– Выглядит всё именно так, – я пожал плечами, – и, если начистоту, я думаю, что тюрвинг как-то до них добрался. Им не удалось его полностью перехитрить. Или же кто-то неосторожно потрогал рукоять.

– Вот это больше похоже на правду, – удовлетворённо кивнул Кай, – жаль, что ты не рассказал подробнее про эти штуковины раньше. Что они склонны убивать хозяев. Я бы тогда не стал её хватать.

– Это вообще – дурная привычка, хватать разные подозрительные штуковины в руки, – заметил я.

– Она не выглядела подозрительной, – парировал Кай, и добавил через секунду: – всё готово. Осталось дожидаться последнего луча.

Я глянул на горизонт. Огромный бордовый диск солнца уже коснулся горизонта.

– У них была база знаний. Культура. Книги. Картины. Всё-всё, что они смогли оцифровать, – заметил я, – к сожалению, их технология не была рассчитана на такое длительное хранение. Данные безнадежно утеряны. Тут слишком сильное магнитное поле и солнечная радиация. Даже я не смог ничего сделать. И генетическая база. Эмбрионы. Я даже думать боюсь, сколько всего погибло.

– Получается, мы хороним целый мир, – Кай произнёс эту фразу тоном, от которого у меня мурашки побежали.

– Получается, так... – согласился я, – было бы здорово узнать, от чего они спасались.

– Ну, это просто, – сказал Кай, – не надо иметь сверхмозги, – он подмигнул мне, – конечно, они спасались от создателей. Добыли где-то эту штуковину. Построили ковчег. Прыгнули в пространство вне системы. Потом, как пыль улеглась, вернулись. Пытались начать всё заново.

– Возможно, – кивнул я, – одно только но. Венера в моё время не выглядит как считанный мир...

– Луч, луч! – воскликнул Кай, – держи факел!

Он запел какой-то неизвестный мне гимн на старом забытом марсианском диалекте. Я не понимал ни слова, но чужие слова на холодном ветру пустынного мира под зажигающимися яркими звёздами производили сильное впечатление. У Кая оказался сильный и приятный голос. Казалось, он поёт самим звёздам. Утешает, ворожит, лечит их раны...

5

Эон: Фанерозой

Эра: Палеозой

Период: Ордовик

466 млн. лет до Перехода

Мы впервые вынырнули из стазиса в открытом море. Поначалу я сильно удивился – как нас успело отнести так далеко от берега, но потом сообразил: видимо, наш пузырь откололся вместе с айсбергом от ледника, когда наступило потепление. И этот айсберг таял достаточно долго, чтобы мы оказались посреди океана. Датчики среагировали на неравномерный скачок внешнего давления.

Был вечер. Багрянцем полыхала половина небосвода, вторая была затянута густыми чёрными тучами. В воздухе плыла какая-то дымка; так бывает в пустыне после пылевой бури. Впрочем, это мог быть и водяной туман – температура за бортом поднималась к тропическим значениям.

Пока я был занят определением наших координат, солнце окончательно село. Я бросил быстрый взгляд в иллюминатор, и обомлел.

В небе, затмевая Млечный путь и первые звёзды, горел гигантский конический шлейф. Больше всего это было похоже на хвост кометы – только гигантского, невозможного размера.

Кай стоял рядом с приоткрытой челюстью. Небесное представление впечатлило его не меньше, чем меня.

– К... как думаешь, что это? – спросил он, справившись с первоначальным шоком.

– Сложно сказать, – я пожал плечами, стараясь держаться подчеркнуто спокойно; по правде говоря, я был на грани паники – подумал сначала, что это след падения метеорита. Конечно, я знал, что в истории Земли было несколько таких падений, но я не мог припомнить ничего, касательно такой глубокой древности. Метеориты – это одна из немногих реальных опасностей для нашего пребывания в стазисе. Если метеорит будет достаточно крупным, чтобы пробить кору, и мы окажемся в зоне удара – пузырь с нами окажется внутри мантии почти мгновенно. Тут возможно два варианта развития событий: автоматика вывода из стазиса успеет сработать раньше, чем блокиратор, реагирующий на избыточное давление, в этом случае – мгновенная смерть; блокиратор всё-таки срабатывает, в этом случае мы уносимся вперёд, в неопределённое будущее, в надежде, что тектоника рано или поздно вынесет нас на поверхность.

Оба варианта меня не устраивали категорически. Поэтому я боялся метеоритов.

Несколько секунд спустя, приглядевшись, я понял, что сияющий шлейф – это не атмосферное явление. Пылевой (по всей видимости) след находился в космосе.

– Похоже на след от кометы, – сказал я, – просто очень близко.

– Она... упала на планету? – уточнил Кай.

– Не думаю, – я покачал головой, – впрочем... скоро узнаем. Как придёт ударная волна.

– Надо стартовать. Без вариантов. Уходить в стазис слишком опасно!

– Да ясен перец! – ответил я, – но не раньше, чем убедимся, что столкновение действительно было. К тому же, мы в море. Отсюда по любому в стазис нельзя.

– Что у нас по горючему?

– Плохо, – я покачал головой, – челнок вообще не был предназначен для межпланетного перелёта. В первый раз на торможении сожгли много... впритык хватит на один старт и одну посадку.

– Ясно, – кивнул Кай, – долго ждать будем?

– Мы не будем ждать, – ответил я, – нам надо сушу найти. Надежную платформу для старта.

– Есть идеи, как её искать? Спутников у нас нет! А планета ваша очень уж текучей оказалась!

– Это если ты за сутки шагаешь на сотни миллионов лет, – усмехнулся я, – идеи есть, – я смутно припоминал фотографии реставрации земной поверхности по периодам, которые были в одном из учебников по палеонтологии; сам учебник принадлежал собрату-поисковику, и на раскопках он каждый вечер устраивал лекции об отдаленном прошлом Земли. Собственно, мои познания в этой области, крайне полезные сейчас – прямое следствие тех лекций. Хотя тогда я относился к ним не слишком серьёзно, – если правильно помню, – продолжал я, – на юге, в районе полюса сейчас Гондвана. Она огромна, точно не промахнёмся. А, если повезёт, по дороге встретим Лаврентию, Сибирь или Балтию.

– Это что, названия материков? – уточнил Кай.

– Ага, – подтвердил я.

– Как-то сложно у вас всё, – он покачал головой, – у нас во всей геологической истории – или один материк, или два. Запомнить не сложно.

– Так у вас и планета поменьше, – хмыкнул я, – чего уж там. Ты, кстати, как? Перед Венерой ты хотя бы на корабле адаптировался. А тут – из невесомости сразу сюда...

– Нормально, – ответил Кай, – привык.

Чтобы поберечь горючее, шли на водомётах. Челнок был почти такой же конструкции, как тот, на котором мы прибыли на Венеру, и тоже умел приземляться на воду. Только у него была ещё добавлена возможность вертикальной посадки – иначе мы бы не смогли безопасно сесть на ледяной панцирь. К сожалению, у нас на борту не было термоядерного реактора – как в том челноке, который мы нашли с Катей. Марсианские технологии не успели достичь таких вершин. Поэтому энергетическая система была основана на батареях (правда, исключительно ёмких), генераторе, способном преобразовывать горючее в энергию, и солнечных панелях, вмонтированных в верхние части плоскостей крыльев. Панели тоже были отличные – давали КПД под девяносто процентов.

Ночью шли на батареях. Благо заряд был на максимуме. Звёзд на небе было на удивление мало. А когда на горизонте появилось расплывчатое белесое пятно, я даже не сразу понял, что это Луна. Конический шлейф на небе тоже двигался, вместе со звёздами. Значит, я был прав – и это всё-таки не атмосферное явление.

Батарей хватило аккурат до утра. И тут нас ждал неприятный сюрприз: поток солнечной энергии, поглощаемый батареями, был аж на тридцать процентов меньше, чем в эдиакрии. Поэтому пришлось ждать, пока батареи зарядятся до уровня хотя бы в двадцать процентов. Пока мы ждали, Солнце поднялось достаточно высоко над горизонтом. Конусообразный шлейф исчез вместе со звёздами. Температура быстро росла – за бортом был уже плюс тридцать пять по Цельсию.

– Может, выйдем на крыло? – предложил Кай, тоскливо глядя в горячее марево за иллюминаторами, – хоть воздухом подышим, раз уж занесло сюда...

– Дышать без фильтра я бы тут не стал, – заметил я, – посмотри – тут какая-то взвесь в атмосфере. Возможно, от извержения. Или, действительно, не так давно крупный метеорит упал.

– Думаешь, нас ещё может накрыть? – тревожно спросил Кай.

– Нет, – я покачал головой, – не накроет. Уже поздно. Пока мы шли ночью, ударная волна бы до нас уже добралась бы с противоположной точки земного шара. Но дышать этой гадостью всё равно я бы поостерёгся.

– Так давай анализ сделаем!

– Делай, – кивнул я, – если тебе охота возиться.

Кай с энтузиазмом неопита побежал в отсек с научной аппаратурой. Я, немного полюбавшись жарким морским пейзажем под непривычным грязно-жёлтым небом, последовал за ним.

– Ну? Что там? – спросил я с деланным равнодушием, когда вошёл в отсек.

Кай с напряжённым видом тёр подбородок, глядя на показания спектрометра на мониторе.

– Пыли, действительно, много, – констатировал он, – хорошая новость – это не вулкан. Пыль не ядовита и не радиоактивна.

– Что, есть и плохая? – я подозрительно поднял бровь.

– Что плохая? – не понял Кай.

– Новость, – пояснил я, – ты сказал, что есть хорошая. Значит есть и плохая?

– А, – стушевался Кай, – нет, совсем не обязательно. Точнее... не знаю. Пыль, похоже, имеет метеоритное происхождение. Это большей частью типичный L-хондрит.

– Большой частью? – уточнил я.

– Угу, – кивнул Кай, – при столкновении картина была бы другая.

– Ясно, – сказал я, – что ж. Похоже, ситуация проясняется.

– Серьёзно? – удивился Кай, – объясни! А то чувствую себя дураком.

– Похоже, Земля попала в шлейф то ли кометы, то ли мельчайших осколков, оставшихся от столкновения астероидов, или другой небесной мелочи...

Подумал я уже после того, как слова вырвались. Кай старался не подать вида, но по глазам было видно – его это задело.

– Осколки Марса, наверно, тоже можно принять за хондриты... – выдохнул он.

– Нет, – я покачал головой, – планета столкнулась с частью железного ядра Фаэтона. Так что марсианские метеориты чаще всего железистые.

– И они падают на Землю? – спросил Кай подчёркнуто нейтральным голосом.

– Падают, – подтвердил я, – найдено несколько десятков.

– Должно быть, вы много знаете о Марсе...

– Слушай. Хватит ходить вокруг да около, – сдался я, – да, мы много знаем о Марсе. Каким он будет через несколько сотен миллионов лет. Это вторая по изученности планета Солнечной системы. Мы даже роверы туда высаживали.

– И... как он?

– Я говорил уже – ничего похожего на твою родную планету, – ответил я, и отрезал: – доберёмся до нашего времени – покажу.

Кай опустил взгляд, и вздохнул.

– Ты, кажется, хотел выйти подышать, – заметил я, – самое время. Батареи через двадцать минут будут готовы к движению.

Море было довольно спокойным, а небо – ясным. Поэтому, несмотря на продолжающую висеть в воздухе коричневатую дымку, солнечный свет пробирался на несколько метров вглубь мутноватой воды. Там, в воде лениво шевелились странные тени, в которых я не сразу опознал водоросли. Их было много. Оставалось только порадоваться, что водозаборники движителей были прикрыты мелкой сектой.

– Ннда... грязновато, – констатировал Кай, – не окунешься.

Я внимательно поглядел на напарника, пытаюсь понять – это он серьёзно, или у него вдруг проснулось своеобразное чувство юмора?

Словно в подтверждение его слов откуда-то из глубины показалась длинная веретенообразная тень. Она слегка ткнулась в крыло, отчего огромный челнок чуть покачнулся, а потом рванула с невероятной скоростью куда-то дальше в океан. Из-за скорости о размерах существа

было судить довольно сложно, но мне показалось, что в длину оно было не меньше десяти метров. Её прямое веретенообразное тело заканчивалось венчиком длинных пульсирующих щупалец.

– Пожалуй, ты прав... – согласился я, – пошли-ка обратно в челнок. Не нравится мне тут.

Берег показался на закате. За полосой прибоя начиналась пологая каменистая равнина, очень похожая на ту, которую мы оставили в далёком прошлом, только безо льда и снега. Сам берег был завален то ли высохшими водорослями, то ли какой-то рыхлой породой – в закатном свете сложно было разглядеть точнее.

Судя по координатам, до Гондваны мы не добрались. Слишком близко к экватору. Скорее всего, перед нами была Лаврентия или Сибирь.

– Хорошо хоть обрывов нет, – заметил Кай, разглядывая берег через бортовую оптику, – но взлетать всё равно надо. Своим ходом не выберемся – шасси переломаем.

– Да ясен пень, – кивнул я, – поэтому полетим завтра, как рассветёт.

– Ещё одна ночь, значит?

– Угу, – кивнул я, – выспимся как следует. Отдохнём. Наберёмся сил. Что-то мне кажется, что дальше будет сложнее.

– Скорее всего, – согласился Кай, – или, может, тут ещё чего-нибудь интересного найдём на берегу.

– Ну это вряд ли, – я покачал головой, – два раза так не повезёт.

– А при чём тут везение? – Кай пожал плечами, – очевидно же, что они выбирали для посадки наиболее подходящее место. То, что оно совпало с нашей точкой старта в стазис – это ведь не совпадение. Мы ведь тоже тщательно выбирали место, стараясь по возможности просчитать вероятность нестабильности, по нашим скудным данным. Да? Ты ведь говорил, что примерно прикидывал?

А ведь он был прав. Та случайность не была такой уж случайной. Плохо. Я выбирал место старта, ориентируясь только на природные процессы. Значит, впредь нужно будет выбирать тщательнее. Избегая мест, которые потенциально могут заинтересовать внешние силы.

– Спасибо, Кай, – сказал я.

– Да не за что.

– Выйдем ещё раз наружу? – предложил я, – осторожно, конечно. Страхуем друг друга.

– Давай, – кивнул Кай, – хочу на закат посмотреть. Очень уж красиво эта штукавина смотрится, – очевидно, он имел ввиду шлейф космической пыли.

Снаружи было всё так же влажно и жарко. Температура опустилась всего на полтора градуса. Звёзды были редкими и тусклыми, и от этого казались очень далёкими. Луна над горизонтом ещё не поднялась. Со стороны берега дул ветерок и долетал лёгкий шум далёкого прибоя.

Фильтр-маску я снять так и не решился. Не нравилась мне эта взвесь в воздухе, хотя приборы и показывали её относительную безопасность. Не хотелось пачкать лёгкие. Но воздух этого мира всё равно ощущался – влажными прикосновениями по коже лица и рук.

Я стоял, глядя на далекий темнеющий берег. А потом, в какую-то минуту, понял, чего мне тут остро не хватает.

Эта Земля была очень тихой. Ещё не появились динозавры, и их летающие виды, известные нам как птицы. Тут не было даже вездесущих насекомых – только их далёкие предки. Но этот мир уже был живым. И в воздухе словно повисло что-то вроде предчувствия будущего буйства жизни.

Кай вышел на середину крыла и, задрвав голову, разглядывал шлейф в ночном небе.

– Слушай, Гриша, – сказал он тихо, не опуская головы, – скажи. А ты точно уверен, что вот это – естественное образование, а? Не слишком ли странно – пролетает огромный рой

осколков после столкновения. А на Земле всё в порядке. Ты не пробовал рассчитать точку, где это столкновение могло произойти?

А ведь и правда. Почему я этого не сделал раньше?

Я чуть прикрыл глаза, готовясь войти в режим.

И как раз в этот момент из воды вынырнула огромная чёрная тень. Тварь забралась на крыло возле элерона. Её жёсткие хитиновые конечности с неприятным звуком царапали обшивку солнечных панелей, а панцирь глянцевого отливал в скудном свете иллюминаторов.

В первую секунду я вырвал из кобуры излучатель. Навёл ствол на тварь. Но стрелять не стал. Существо вело себя странно, оно явно было дезориентировано: скручивало хвост, и шевелило плавательными конечностями, напоминающими вёсла, как будто всё ещё ощущало себя в воде.

– Стой! – скомандовал я Каю, увидев, что он тоже собрался стрелять, – медленно развернись в пол оборота к этой штуковине. Закройся маской. Чтобы не было видно рук и лица. И медленно двигайся ко мне.

– Эта штука выглядит опасной, – заметил напарник, но всё-таки послушался меня, и начал медленно, впол оборота, продвигаться ко входу в челнок.

– Она нас не видит, – сказал я, – мы в костюмах. И челнока она тоже не видит. С её точки зрения какая-то невидимая сила подняла её, и вытащила из воды.

– А. Модификации, о которых ты попросил сестру, – догадался Кай, – честно говоря, не был уверен, что они сработают.

Когда мы высадились на Землю, еще в конце Криогения, мы заразили воду вирусами, модифицирующими земные организмы особым образом: развивающиеся зрительные анализаторы были неспособны воспринимать любые артефакты, созданные не на Земле. Эта модификация потребовала чудовищного объема вычислений, которые я проделал под руководством ведущих марсианских микробиологов. И вот – всё расчёты оказались правильными.

Тварь продолжала барахтаться на крыле, медленно смещаясь в сторону края, пока, наконец, с тяжелым плеском не нырнула обратно в родную стихию.

– Очень удобно, – заметил Кай, – получается, местные хищники нам не угроза?

– Не вполне так, – я покачал головой, – блокировка не работает против биологических объектов. Окажешься среди них голым – и тебя с удовольствием схарчат. Я боялся, что эта штуковина разглядит твою физиономию. Поэтому просил идти боком.

– Ясно, – кивнул Кай, – осторожность не отменяем.

– Нет, конечно, – ответил я, – кстати, об осторожности. Какую вахту берёшь на себя?

– Утреннюю! – быстро ответил напарник, – в этот раз утреннюю. Хочу ещё раз посмотреть, как шлейф смотрится на рассвете.

– Добро, – согласился я, – тогда после ужина отбой.

– Как скажешь, – улыбнулся Кай.

6

Я проспал четыре часа, и встал минут за двадцать до рассвета. Кай был прав – пылевой шлейф был ярче, чем в обычные ночные часы. Я тихо прошёл на командирское место в рубке, и опустился в кресло. Потом вошёл в особый режим, чтобы произвести необходимые вычисления. Возможно, не стоило это делать до завтрака – но вычисления не должны были быть слишком сложными.

Так и оказалось. Результат я получил за долю секунды. И он меня серьёзно озадачил.

– Любуешься? – спросил я Кая.

– Думаю, – ответил тот.

– О чём?

– Да так... о всяком, – он вздохнул, и посмотрел на меня, – понимаешь, у меня ведь вся жизнь была расписана наперёд. Я всегда точно понимал, куда двигаться, что хорошо, а что не очень... а потом меня познакомили с тобой...

– И теперь я для тебя что-то типа воплощения всего кошмара, который случился с тобой и твоим миром, – тихо сказал я.

– Нет! – воскликнул Кай, и добавил, уже спокойнее, – возможно. Не знаю. Понимаю, что это несправедливо, но... вот что делать, когда само понятие справедливости потеряло значение? Что вообще сейчас имеет значение, а? Меня создавали для войны со страшным врагом. Я должен был защищать. Мать. Сестру. Родной мир. А теперь я для чего? Ты можешь мне сказать? Почему я продолжаю жить? Ради будущего твоего мира? Но ведь он совсем чужой мне, понимаешь?

Я ответил взглядом на взгляд Кая. Помолчал немного. Потом сказал:

– Ирония в том, что, похоже, нас всех создали для чего-то, чего мы совсем не понимаем и не знаем. Похоже на то, что нас выращивают, как скот в загоне. Понимаешь? А все наши промежуточные цели. Весь наш патриотизм. Привязанности. Любовь к другим людям. Оно всё вписывается в заранее заданную схему, оно часть нашего большого загона-пастбища. И в этом смысле положение любого живого существа в нашей системе ничуть не лучше твоего. Понимаешь?

Кай смотрел на меня с просыпающимся интересом. Глухая тоска в его глазах медленно таяла.

– В каком-то смысле мне хуже, чем тебе, – продолжал я, – меня тоже создали для чего-то. Моя ДНК – искусственная, как и твоя. Но я не знаю ни своих непосредственных создателей, ни целей. И вот что я тебе скажу. У меня есть одна гипотеза, которая помогает жить. Я думаю, что фундаментальное свойство любой жизни – это всегда искать обходные, нестандартные пути. Нельзя раз и навсегда загнать жизнь в гетто. Она все равно найдет выход. И сделает всё по-своему.

Помолчали, глядя на разгорающийся рассвет. А потом я всё-таки решился сказать:

– И ты был прав насчёт этого шлейфа. Столкновение произошло вне плоскости эклиптики. Не очень высоко – градусов на десять выше орбиты Марса. Но шансы на то, что в этой точке сошлись траектории двух межзвездных скитальцев очень уж незначительные. Что-то у нас тут случилось. И мне очень хочется взглянуть – что же именно.

Кай заинтересованно посмотрел на меня.

– Думаешь, потратить резерв горючего? – спросил он.

– Нет, – я отрицательно помотал головой, – собираюсь использовать по назначению тюрвинг, который мы добыли.

Утром мы перелетели вглубь материка и устроились на обширном каменистом плато, которое я счёл достаточно надёжным, чтобы переждать следующие несколько десятков миллионов лет в стазисе.

Днём отдыхали, набирались сил.

Эксперименты с тюрвингом я отложил на ночь – в тени Земли проще экспериментировать с дальностью прыжков, и радиации поменьше. Плюс на охлаждение не надо энергию тратить; подогреть скафандр в космосе проще, чем охладить.

Имея данные по механизации установки, которую использовали венерианцы для активации тюрвинга, я мог рассчитать нужную силу нажатия на спусковой крючок для прыжков на определённое расстояние. Но не время нажатия. А без этого параметра о точных перемещениях в пространстве даже думать не приходилось. Единственный выход – подбирать нужные значения опытным путём.

Но и тут была сложность. Скорее всего, артефакт переносил хозяина в пространстве линейно. Без учёта кривизны земной поверхности. А, значит, даже минимальный прыжок мог выбросить меня в воздух, на приличную высоту. Парашютов у нас на борту не было. Ситуация могла показаться неразрешимой, если бы не мои особые способности.

– Слушай, мы ведь не обязательно должны это делать, – Кай нервничал, то и дело тревожно поглядывая на темнеющее небо, – можно просто двинуться дальше. Ты разве не хочешь поскорее обратно, в твой мир?

– Ты же сам хотел посмотреть, – улыбнулся я, – и потом, почему-то мне кажется, что дальше не будет так уж легко. Мы малость задержались в прошлом – и посмотри, что нашли, – я продемонстрировал тюрвинг, который держал в правой руке, – так что любопытство иногда даёт весомые преимущества.

– Или губит... – тихо сказал Кай.

– Ну почему сразу губит-то? Что за пессимизм? И вообще – не надо говорить такие вещи перед важным экспериментом, – я сделал «тьфу» через левое плечо, и постучал костяшками вакуумных перчаток по гермошлему.

– Это не я, – Кай вздохнул, – это Книга Ветра и Крови. Ты её процитировал. Я просто дополнил цитату.

– Ясно, – кивнул я.

– Что делать, если ты не вернёшься?

– Мы уже сто раз это проговорили. Продолжай двигаться вперёд. Вся информация по нашему времени я тебе оставил. Постарайся спасти наш мир. Если мы доживём до полётов к звёздам – ты, возможно, сможешь рано или поздно узнать, что случилось с твоими.

Кай нахмурился, посмотрел мне в глаза, но промолчал.

– Но я вернусь, – добавил я, – даже не сомневайся. Риск не такой большой, как кажется.

– Ты не можешь долго быть в своём супер-режиме. Помнишь, что было на Венере?

Я помнил. Ради спасения Кая из щупалец какого-то местного чудовища мне пришлось войти в режим раньше, чем мы обнаружили бот создателей. Из-за этого мы попали в плен к врагам, и лишь в последний момент чудом выбрались.

– У меня достаточно питьевого концентрата, чтобы восстановить силы, – успокоил я напарника, – а в космосе – там ведь спешить некуда.

– Запаса кислорода всего на двенадцать часов, – возразил Кай.

– Слушай, мы можем так препираться вечно, – вздохнул я, – скажи лучше честно – ты просто сам хотел быть на моём месте.

Кай вздохнул, и опустил взгляд. А потом улыбнулся.

– Будем считать, ты меня раскусил, – ответил он, – ладно. Я сделал всё, что мог. Со связи только не пропадай.

– Это смотря куда я попаду, – ответил я, – мы не создатели, связи через пятое измерение у нас нет.

– Ты собрался сразу двинуться туда? – Кай кивнул в сторону шлейфа.

– Угу, – ответил я, – сам ведь говоришь, кислорода на двенадцать часов всего.

Пока мы разговаривали, Солнце окончательно скрылось за горизонтом, оставив полыхающий алым небосвод. Из-за метеоритной пыли в атмосфере закаты тут были очень живописными.

– На связи, – сказал я. После чего поднял тюрвинг, тщательно прицелился в зенит и, входя в режим, быстрым движением нажал на спусковой крючок, тщательно фиксируя всё происходящее.

7

Учитывая, что артефакт, судя по всему, был способен переносить объекты на космические расстояния, я предполагал, что меня вынесет как минимум на земную орбиту.

Но всё оказалось иначе. Куда опаснее.

Меня подбросило вверх на какие-то жалкие тридцать метров.

Счастье, что я был в полном режиме. А то хотел ведь сэкономить ресурсы, и выйти в режим только на орбите. Ангел-хранитель вразумил, не иначе...

Мгновенно извернувшись в воздухе, я снова нацелился в зенит. В этот раз удерживал спусковой крючок ровно в два раза дольше.

Теперь прыжок вышел более солидным: я падал с высоты чуть больше тысячи метров.

– Первый, ты как? – голос Кая в шлемофоне звучал взволнованно; не удивительно – он ведь наверняка успел увидеть моё появление на тридцати метрах.

– Нормально, – ответил я; разговор почти не отнимал ресурсов, так что молчать не было смысла.

Сопоставляя силу и время нажатия, я сделал несколько прыжков, чтобы «откалибровать» управление тюрвингом. После чего, уже целенаправленно, в один прыжок, оказался на высокой геостационарной орбите.

Это был опасный момент. Я не знал, что происходит с энергией перемещаемого объекта. Вроде бы, согласно закону сохранения энергии, она не должен меняться при перемещении – но тогда моя угловая скорость на орбите равнялась бы угловой скорости на поверхности Земли.

То есть, оказавшись на космической высоте, я должен был мгновенно начать падать вниз, с ускорением свободного падения. Как после манёвра резкого торможения.

Однако, к моему удовлетворению, этого не произошло.

Простой расчёт показал, что моя орбитальная скорость выросла кратно пройденному в прыжке расстоянию.

Конечно, на это потребовалась энергия. Значит, сам тюрвинг где-то её взял. Самое главное – чтобы по пути обратно он так же легко и непринуждённо нашёл способ эту энергию вернуть. Иначе я рисковал вынырнуть в атмосфере на гиперзвуковой скорости.

Впрочем, когда нужно будет спускаться – этот момент я, конечно же, проверю. И, при необходимости, рассчитаю серию прыжков, которая позволит плавно погасить скорость.

Только теперь, оказавшись на орбите, я сообразил, что в своих расчётах и планах в обычном состоянии допустил одну досадную оплошность.

В «супер-режиме», после «калибровки» я мог легко управлять тюрвингом, контролируя необходимое направление и расстояние вплоть до тысячных долей миллиметра.

Но дело в том, что я не мог сохранить эту информацию. У меня просто не было никакого устройства, где я мог бы зафиксировать точные формулы и параметры нажатия. Запомнить всё это дело в обычном состоянии я точно не мог.

Отсюда следовало два вывода: во-первых, тюрвингом я мог пользоваться только в своём особом «супер-состоянии»; без него использование артефакта превращалось в опасную игру, и во-вторых – перед каждым использованием будет необходимо тратить время на «калибровку». Каждый раз придётся всё считать заново, на собственном опыте. По крайней мере, до тех пор, пока я не вернусь на челнок, и не запишу необходимые формулы на бумаге, или на электронном носителе. Тогда перед каждым использованием мне нужно будет всего лишь считать нужные записи.

С учётом всего, я решил не терять времени даром.

Посмотрел на пылевой шлейф, красиво переливающийся в солнечных лучах за пределами земной тени. Рассчитал точку столкновения. Навёл тюрвинг.

– Кай, я прыгаю на межпланетное расстояние. У меня есть двенадцать часов, чтобы вернуться. Если меня не будет через сутки – смело уходи в стазис и действуй по плану.

– Удачи, первый, – успел ответить напарник.

И я нажал на спусковой крючок.

Я думал, что готов почти ко всему. Но то, что оказалось передо мной, было настолько удивительно, что я выпал из «особого режима» и замер на некоторое время с открытой челюстью.

На самом деле я, конечно, не рассчитывал, что сразу смогу обнаружить что-то интересное. Слишком много было неопределённостей для восстановления картины произошедшего. После столкновения могли пройти годы, и даже десятилетия. Более крупные обломки могли равномерно распределиться по эллиптическим орбитам или вовсе улететь за пределы системы, если энергии столкновения было достаточно. В мои планы входило отыскать хотя бы часть из них и проверить, нет ли следов искусственного происхождения. При максимуме везения, как я думал, удалось бы даже опознать, что за цивилизация это устроила; имеют ли Создатели к этому отношение или нет.

Конструкция, возле которой я оказался, могла бы показаться ажурной, если бы не её масштабы. Это был шар, состоящий из переплетений плавно изгибающихся колонн, ферм и арок, упирающихся друг в друга под самыми немислимыми углами. Ближайшая ко мне колонна (я измерил с помощью лазера) была больше сотни метров в поперечнике. И она выглядела жалкой соломинкой среди других элементов.

Шар медленно, но всё же заметно для глаза вращался. Точные размеры объекта с помощью дальномера определить не удалось – мешало слишком маленькое расстояние и угол обзора. По примерным прикидкам не меньше пятидесяти километров диаметре.

Эта штукавина обладала достаточным гравитационным полем, чтобы я медленно начал на неё падать. Очень удобно – не нужно тратить рабочее тело газовых двигателей скафандра, или входить в режим, чтобы использовать тюрвинг. Хотя, конечно, стоило наблюдать за скоростью сближения, а то в невесомости и вакууме, при отсутствии привычных ориентиров, очень легко переоценить свои возможности.

Шар продолжал медленно вращаться. Я пытался разглядеть, что находится внутри, за переплетениями конструкций – но мешали густые, постоянно меняющиеся тени, создающие невероятно пёстрый узор.

Скорость росла достаточно медленно. Это хорошо. Можно будет опуститься прямо на ноги, на ближайшую колонну. Главное только не переусердствовать с амортизацией удара, а то легко можно улететь обратно в открытый космос.

Падение должно было продлиться минут десять-пятнадцать. Я активировал систему питания. Где-то в районе подбородка загудело, и через секунду перед моими губами появилась гибкая трубка. Питательный раствор на вкус и по консистенции напоминал сырое куриное яйцо. Но привередничать не приходилось. По крайней мере, со своей задачей он справлялся отлично, силы быстро прибывали.

Когда шар обернулся на четверть, я, наконец, увидел след случившейся когда-то катастрофы. Значительная часть ажурных конструкций была грубо выломана и смята. След от столкновения напоминал гигантскую траншею, километров пяти глубиной и не меньше десяти в длину. Значит, объект, с которым столкнулся шар, прошёл по касательной. Можно было войти в режим и попытаться восстановить траекторию, чтобы обнаружить виновника катастрофы, но я решил отложить это на потом. Времени в обрез. Нужно максимально обследовать эту ажурную сферу. Вдруг там внутри что-то ещё полезное, вроде тюрвингов?

О том, что там, среди хитросплетений конструкций, может быть нечто не только не полезное, но и смертельно опасное, я старался не думать.

Вблизи поверхность колонны напоминала самый обыкновенный камень. У меня даже возникло подозрение, что вся эта конструкция была аккуратно высечена из цельного метеорита. Но к чему такие невероятные сложности? В чём практический смысл этой конструкции? У меня не было ни малейших идей на этот счёт.

Аккуратно погасив инерцию, я опустился на колени и, осторожно оттолкнувшись обеими руками, поплыл вдоль балки, к её краю.

Поверхность сферы, даже с очень слабой гравитацией, давала чёткое ощущение верха и низа. Поэтому, когда я перегнулся через край и глянул вниз, у меня даже голова закружилась и ладони немного вспотели. Многокилометровая пропасть с ажурным переплетением каменных поверхностей выглядела очень опасной. Мне даже пришлось пересиливать себя, чтобы начать спуск.

«Что, если внутри нет ничего, кроме этого каменного безумия? – думал я, – только время зря потеряю... может, вернуться и найти то, что оставило след?»

Я тоскливо посмотрел вверх, вслед уплывающей ввысь балке. Но продолжил спуск. Очевидно же, что эта сфера – искусственное происхождение. Значит, тут должны быть другие следы деятельности чужого разума. Надо только хорошенько поискать.

8

Постепенно ускоряясь, я углубился километров на десять вглубь сферы. Время летело удручающе быстро, а кругом как было нагромождение ажурных каменных конструкций, так и оставалось. Разве что солнечный свет на такую глубину уже не проникал. А мощный луч нашлемного фонаря казался удручающе слабым в этом царстве камня и тьмы.

Мне с огромным трудом удавалось побороть искушение немедленно вернуться назад. А ещё со временем я заметил, что внутренности этой штуковины здорово давят на психику. Нет, у меня больше не было приступов страха высоты. Просто почему-то менялось ощущение времени. В какой-то момент я понял, что без часов просто не смог бы контролировать его ход. Тогда я активировал таймеры информационной системы скафандра, и настроил их, чтобы давали звуковое оповещение каждые пятнадцать минут. Стало немного полегче. Но всё равно, с головой происходили странные вещи. В какой-то момент мне стало казаться, что внешний мир, тот, что лежит за пределами сферы – нет, он не исчез – но как-то вдруг разом потерял значение. Масштаб и глубину. Стало казаться, что нагромождение каменных структур и есть настоящий мир, подлинное «здесь и сейчас», которое и называется жизнью. А всё, что происходило раньше – просто подводило меня к этому моменту.

Это ведь счастье – плыть в вечной тишине и гармонии.

Разве что свет мешается.

Зачем я его включил? Ума не приложу.

Глупо как-то.

Я уже потянулся к выключателю, но в последний момент титаническим усилием воли сбросил морок. Трясущимися руками схватился за ближайшую колонну, и собрался что было сил рвануть в обратную сторону – туда, куда указывал инерциальный датчик.

Но в этот же момент у меня словно пелена с глаз упала.

Я вдруг увидел, что пространство между каменными колоннами и арками – оно вовсе не пустое.

В местах пересечения плоскостей висело что-то, отдалённо похожее на виноградные гроздья. Скопления темных, глянцевого поблёскивающих пузырей.

Я настроил фонарь на максимально узкий луч, чтобы попытаться на расстоянии разобрать детали. Наверху скопления «пузырей» становились более редкими, а вот внизу напротив – их плотность росла. Кое-где, далеко под ногами, отдельные скопления пузырей начинали сливаться в сплошную массу, обтягивающую каменный каркас странного образования, внутри которого я находился.

В какой-то момент мне даже показалось, что масса внизу начинает разрастаться, как чёрная пена, и вот-вот оттуда начнёт подниматься волна, сметая всё на своём пути...

Но, конечно, это была только иллюзия. Хотя в этот момент мне впервые за очень долгое время стало по-настоящему страшно.

Сильнее всего пугала полная неизвестность; абсолютное непонимание того, что я видел. Я так привык к тому, что в космосе часто встречаются люди – обычные люди, с более-менее обычными человеческими технологиями, пускай и выросшие на разных планетах – что начал забывать, насколько до сих пор мало знаю.

Учитывая недавнюю «психическую атаку» непонятной природы, я принял решение больше не рисковать.

Не все тайны стоит разгадывать любой ценой и во что бы то ни стало. Я хотел домой; я надеялся увидеть отца и мать. Да что там – встрече с Катей я бы тоже обрадовался. Кто знает, может, у нас что-нибудь и получится? И вся эта пузыряющаяся ерунда совершенно не стоит того, чтобы всего лишиться.

Я осторожно прикоснулся к ближайшей балке, чтобы замедлить продвижение внутрь конструкции. Меня немного закрутило вокруг своей оси; я развернулся, и обнаружил, что ближайшее скопление чёрных пузырей совсем рядом – буквально перед моим носом.

Некоторые из них были совсем небольшие – сантиметров десять в диаметре, но встречались и огромные – до трёх метров и даже больше.

Осторожно, стараясь не задеть пузыри, я продолжил разворот, чтобы сподручнее оттолкнуться от ближайшей колонны. И как раз в этот момент поверхность ближайшего пузыря пошла мелкой рябью.

Я замер, боясь вдохнуть.

А пузырь начал меняться. Его непроницаемая оболочка стала будто бы истончаться. Терять цвет. До тех пор, пока не стала совершенно прозрачной.

То, что находилось внутри, очень вероятно когда-то было живым. Только совершенно не похожим ни на одно известное мне существо – земное, марсианское или даже венерианское. Это был странный комок сжатых серо-коричневых щупалец, усеянных какими-то полупрозрачными линзами. Сверху у этого комка было что-то вроде двух зеленоватых мешков, наполовину наполненных блестящей перламутром субстанцией.

Сделав несколько снимков встроенной в скафандр камерой, и сняв видео, я собрался было продолжить подъем, но в этот момент все остальные пузыри на ближайшей ко мне «грозди» стали мутнеть.

В каждой из этих ёмкостей сидело по существу. Некоторые чем-то напоминали насекомых, некоторые – моллюсков. Но большинству никакой аналогии подобрать не удавалось.

Мне совершенно не понравилось, что пузыри отреагировали на моё присутствие. Наверно, будь я учёным – скажем, биологом – происходящее вызвало бы у меня живейший интерес, и я бы старался запечатлеть как можно больше.

Но я был всего лишь фитнес-инструктором. И, пожалуй, военным – с учётом службы в ВДВ и в марсианской гвардии.

Единственное, что меня интересовало – это как бы самому не оказаться в одном из этих пузырей.

Уже напрягая мышцы для мощного рывка, я бросил быстрый взгляд на ставшую вдруг прозрачной гроздь.

Прозрачные пузыри с разными тварями внутри пришли в движение. Я застыл. Почему-то мне показалось, что, если резко рвану вверх – меня накроет лавиной этих пузырей. И один из них меня поглотит, чтобы я так же висел в этом бесконечном лабиринте, среди других тварей.

Я снова начал бороться с собой, со странным психологическим давлением, которое это место оказывало на случайных путников, вроде меня.

Мне даже удалось войти в «супер-режим». Эмоции ушли. Голова заработала быстро и чётко.

И как раз в этот момент пузыри вытолкнули откуда-то из недр своего собрата, внутри которого находилась вполне земная на вид девушка. Темнокожая. Очень красивая. Совершенно обнаженная.

Оценивая её красоту, я снова замешкался. А мозг тем временем продолжал бесстрастно работать с информацией, фиксируя всё происходящее.

Я заметил, что её грудь начала двигаться за секунду до того, как она открыла глаза.

Девушка взглянула на меня своими глубокими карими глазами. Её взгляд был совершенно осмысленным и, пожалуй, немного смущённым. Она слегка улыбнулась, неловко прикрывая груди руками. Потом посмотрела по сторонам.

Ощущение лёгкой неловкости на её лице сменилось сначала растерянностью, потом ужасом и наконец – паникой

Внутри своего пузыря она подплыла к прозрачной стенке, и замолотила в неё кулаками.

Я видел, как она заходится в беззвучном крике. А мозг сам подсчитал объём пузыря. Тщетно попытался обнаружить хоть какие-то средства жизнеобеспечения. И выдал неутешительный итог: в полностью активном состоянии, тем более в панике, на том запасе кислорода, который, видимо, есть внутри пузыря девушка проживёт еще минут пятнадцать. Не дольше.

Конечно, я не мог её бросить. В том, что это именно девушка, человек, у меня сомнений не было. В «супер-режиме» я считывал её поведение, анализировал реакции: зрачки, микрокапилляры на коже, мимику, дыхание пульс... это всё подделать невозможно. Точнее, возможно, наверное – но копия выйдет сложнее оригинала.

Доли секунды ушли на просчёт вероятных вариантов действий. По всему выходило, что успеть можно – если схватить её прямо сейчас, вместе с пузырём, и делать рискованную калибровку, продвигаясь к Земле.

Вопросов всё ещё было слишком много. Удастся ли отделить один пузырь от остальных? Защищает ли он от радиации и перепадов температур? Как тюрвинг отреагирует на «дополнительную нагрузку»?

Единственный способ получить ответ сразу на все – это начать действовать.

И я больше не мешкал.

Вопреки опасениям пузырь легко отделился от общей массы. Пока я доставал его, в какой-то момент лицо девушки оказалось совсем рядом с моим. Она продолжала кричать; и теперь, благодаря связи с пузырём через оболочку скафандра, я даже мог слышать отголоски её крика. Но времени на то, чтобы попытаться её успокоить не было. Счёт шёл на секунды.

Я обхватил пузырь руками и ногами, прицелился, и, стараясь попасть в максимально длинное пустое пространство, нажал на спусковой крючок.

К тому моменту, когда мы оказались возле поверхности «ажурного» планетоида, калибровка была, практически, завершена.

Но снаружи нас ждал такой сюрприз, что я снова чуть не вылетел из режима.

9

На Венере, «общаясь» с зондом Создателей с помощью странной невербальной связи, напоминающей телепатию, я почему-то не подумал, что у него, кроме генератора червоточины, может быть ещё какое-то оружие. Это ведь не военный корабль. Скорее, хозяйственный, если уж на то пошло. Да и какие враги могли быть у цивилизации, создающей планетарные системы из звёздной материи?

Как выяснилось, враги очень даже были.

Это длилось всего лишь доли секунды. Я не мог позволить нам находиться в этом пространстве дольше этого мгновения.

Но того, что я успел увидеть, хватило, чтобы полностью перевернуть моё представление об истории Солнечной системы.

Возможно, если бы я не выпал из режима сразу же, как только оказался у повреждённого планетоида, я бы смог заметить больше. Ведь пространство вокруг было на удивление оживлённым. Многие светящиеся точки, казавшиеся звёздами в моём обычном состоянии, на самом деле звёздами не были. Мы были окружены целым роем каких-то объектов, двигающихся с явным нарушением законов небесной механики, а, значит, обладающих двигателями.

Целых пять «звезд» пытались взять в кольцо зависший в каких-то пяти километрах от нас в пространстве зонд Создателей. Тот сопротивлялся, выплёвывая облака плазмы, какие-то снаряды и нечто, заставляющее колебаться само пространство, как будто вокруг был не вакуум, а нагретый костром воздух.

Зонд Создателей явно одерживал верх в стремительно развивающемся сражении. А, значит, нельзя было терять ни мгновения больше.

Сильно рискуя, я прыгнул не к Земле, а к Марсу. Замысел был простым – скрыться за планетой от места сражения. А уже потом прыгать к родному миру. Нужно было запутать следы на случай, если зонд успел меня засечь.

Учитывая, что девушка в пузыре продолжала кричать, но при этом явно слабела, это было непростое решение, ведь оно означало потерю нескольких секунд. Но я не мог придумать другого способа обезопасить нас сейчас – и в будущем.

Марс имел привычный вид. Тот же негостеприимный мир, с тёмной полосой гигантской долины Маринера. Разве что атмосфера чуть плотнее. Я зафиксировал это автоматически, где-то на задворках сознания, когда прыгал по орбите, скрываясь из зоны прямой видимости зонда.

Девушка перестала кричать; посмотрела на меня угасающим взглядом, и потеряла сознание.

Рассчитать точку возврата на земную орбиту так, чтобы она находилась вне поля зрения сектора, где находился зонд, было не просто даже в моём особом состоянии. Но я справился за пару секунд.

И тут же прыгнул.

– Второй, готовь челнок к старту, – я выдохнул, едва активировав радиосвязь; тратить время на разговоры было обидно – но расчёт показывал, что так мы сможем выиграть драгоценные минуты.

– Принято, – мгновенно ответил Кай, как будто всё это время был у передатчика, – что случилось, первый?

Но я не ответил.

Потому что как раз закончил расчёт первого прыжка в атмосферу, чтобы нас не разорвало на клочки на случай, если тюрвинг всё-таки не гасит энергию при возвращении в гравитационный колодец.

Впрочем, уже первый прыжок показал, что гасит. Эта мера предосторожности была излишней.

И тогда я прыгнул сразу на крыло челнока, ориентируясь на показатели бортового маяка. Повезло. Я ошибся в расчётах сантиментов на двадцать, при допустимой погрешности для безопасного финиша в метр.

Крыло слегка качнулось, принимая наш вес.

Я сорвал с себя шлем и перчатки. Впился пальцами в неподатливую оболочку пузыря – не для того, чтобы порвать грубой силой. Ясно ведь – материал достаточно прочный, раз выдержал вакуум при достаточно высоком внутреннем давлении. Я пытался нащупать в структуре этого материала слабые места, используя вычислительную мощь моего «особого режима». Впрочем, без особого успеха.

В этот момент в борту челнока открылся люк, и Кай вышел на крыло.

– О, Арес всемогущий, что это!?! – воскликнул он.

– Нож и аптечку. Срочно! – крикнул я, не переставая пытаться «взломать» оболочку.

Я даже почти приспособил один из элементов жёсткой шарнирной манжеты перчатки, чтобы сделать прокол, но Кай оказался быстрее. Я даже мимолётно подумал – нет ли среди его модификаций способности ускоряться?

Выхватив у напарника нож, я под нужным углом ударил оболочку.

Газ изнутри начал с шипением выходить. Значит, давление там было даже больше атмосферного. Это и хорошо, и плохо, потому что... почему именно это так – я додумать не успел. Меня вышибло из режима. Я пробыл в нём слишком много времени.

В глазах сильно потемнело, а руки вдруг превратились в мокрые, едва шевелящиеся тряпочки.

Немееющими кончиками пальцев я активировал систему питания скафандра, и жадно присосался к трубке, поглощая питательный гель.

К счастью, Кай сообразил, что со мной произошло, и, не теряя времени на лишние расспросы, занялся нашей внезапной гостьей. Для начала он избавился от остатков оболочки. А потом без моей подсказки сообразил дать девушке кислород. После чего закутал в блестящее термическое одеяло, и принялся растирать девушке конечности.

– Ты как? – спросил он через минуту, не прекращая своего занятия.

Вместо ответа я показал ладонь с растопыренными пальцами – марсианский аналог земного поднятого вверх большого пальца. Мне действительно быстро становилось лучше. Хорошо иметь под рукой запас эффективного питания!

– Она ледяная, – сказал Кай, – возможно, гипотермия. Но критических повреждений не наблюдаю, капилляры кожных покровов быстро возвращаются к норме.

Я, оторвавшись от питательной трубки, хотел сделать какое-то язвительное замечание насчёт его медицинских способностей, но вовремя вспомнил, что, в отличие от меня, Кай прошёл полный курс спецназа на Марсе. А, значит, хорошо разбирался в анатомии и физиологии. Возможно, даже лучше меня – всего-то квалифицированного тренера.

– В аптечке, кажется, химические грелки есть, – сказал я, – если нет обморожения, можно дать.

– Уже, – кивнул Кай, – она почти в норме.

– Слушай, нам надо немедленно... – начал говорить я, но в этот момент девушка сделала глубокий вдох, и открыла глаза.

Кай перестал растирать ей ноги, поднял перед собой раскрытые ладони в знак добрых намерений и улыбнулся.

– Привет! – как можно дружелюбнее произнёс я, намеренно растягивая слоги; я не рассчитывал, что гостья поймёт смысл – но очень надеялся, что она сможет уловить интонацию.

Девушка посмотрела на меня широко раскрытыми глазами. Было видно, что она борется с сильнейшим испугом и всё ещё находится на грани паники.

– П...привет, – неожиданно ответила она, чуть запнувшись. На чистейшем марсианском лингва франка.

– Ух ты... – выдохнул Кай.

– Твою ж то мать! – вырвалось у меня. На русском.

– Мою мать? – переспросила девушка. Тоже на русском, без малейшего акцента, – подождите... но... где она? Почему я не помню маму? – в её глазах был неподдельный ужас.

Признаться, я впал в ступор.

Только что родившаяся изящная теория про выживших после эвакуации Марса и вернувшихся потомков мгновенно рассыпалась в прах.

Положение спас Кай.

– Гриша, ты говорил, что нам надо стартовать. Ты про космос или про стазис? – спросил он.

– Я про стазис, – усилием воли я стяхнул оцепенение, – все на борт. Скорее!

Девушка, конечно же, продолжала сидеть на месте; её глаза остекленели, она как будто полностью ушла в себя – возможно, размышляя о своих родителях.

Я зарёкся когда-либо выражаться в присутствии незнакомцев.

– Помогите, – я кивнул Каю, и взялся за остатки оболочки со стороны головы девушки.

Кай понял. Он подошёл с противоположной стороны, и тоже взялся за оболочку.

Вдвоём мы быстро затащили девушку в шаттл.

Она, к счастью, не протестовала.

– Всё так плохо? – спросил Кай, задраивая люк, – спешка оправдана?

– Я видел зонд Создателей, – ответил я, – он сражался с целым флотом чужих.

– Засёк тебя?

– Не знаю, – я вздохнул, – есть шанс, что нет. На пути обратно я сделал крюк. Спрятался за Марсом, а уже потом обратно, – фраза вырвалась раньше, чем я успел прикусить язык.

Кай замер на секунду. Но сдержался. Не сказав ни слова, он пошёл в рубку.

Я посмотрел на девушку.

Она сидела среди остатков оболочки, кутаясь в блестящую термоплёнку. Её трясло; из глаз в два ручья лились слёзы.

«Ладно, – решил я, – этой проблемой займёмся в другом времени».

Краем глаза я заметил, что в опавшей оболочке что-то шевелится.

Я присел возле, готовый в любой момент войти в супер-режим. Ещё не хватало занести какую-нибудь инопланетную гадость на борт...

«Раньше надо было думать, – мысленно отругал я себя, – сколько можно жить инстинктами? Даже в супер-режиме? Она точно стоила этого всего?»

Я взглянул на девушку. Та тихонько всхлипывала, размазывая слёзы маленькими кулачками, совсем как ребёнок.

Стоила или нет – вопрос ведь не в этом. Вопрос в том, кем был бы я, если бы просто оставил её там, в пузыре, задыхаться...

Под оболочкой была тварь, похожая на мокрицу, только раз в пять больше. Множеством мелких лапок существо скользило по оболочке, видимо, пытаясь сбежать.

Я облегчённо вздохнул.

Существо было мне знакомо. Наш палеонтолог, из поисковиков, хвастался похожей окаменелостью. Говорил даже, что эти твари – чуть ли не символ палеонтологии, потому что по ним очень удобно делать датировку.

Кажется, они назывались трилобитами.

Я аккуратно взял создание за твёрдый панцирь, потом достал в аптечке контейнер с физраствором, и сорвал с него полимерную крышку. После этого опустил трилобита в жидкость.

– Гриша, мы готовы к старту, – крикнул Кай из рубки.

– Стартуй! – я крикнул в ответ, – я здесь побуду. Так безопаснее.

И мы снова вынырнули из потока времени, зафиксированные полем стазиса на следующую бездну времени.

10

Эон: Фанерозой

Эра: Палеозой

Период: Карбон

320 млн лет до Перехода

Остаться не пристёгнутыми прямо на палубе во время ухода в стазис было так себе идеей. Это стало понято сразу, как только нас выбило обратно в нормальный ход времени.

Челнок кренился и крутился; я едва успел схватиться за поручень у трапа, который вёл в рубку. Спасённой девушке повезло меньше – её приложило о переборку. Хоть не об угол, и на том спасибо.

На секунду я испугался, что несчастная опять потеряла сознание – но нет! Вот она с ужасом и недоумением посмотрела в мою сторону. Хорошо хоть плакать перестала...

Услышав, как запускаются маршевые двигатели челнока, я понял, что времени на размышления нет совсем.

Не церемонясь больше, я подбежал к девушке, схватил её за талию и, перебросив через плечо, рванул что было сил в рубку.

О том, что происходит можно было не спрашивать. Достаточно было посмотреть в иллюминатор.

Челнок скользил, балансируя на стремительно разрушающейся каменной плите в грандиозном потоке жидкой грязи. Видимо, это резкое перемещение и стало причиной того, что автоматика выбила нас из стазиса.

Склон, где мы оказались, был довольно высоким, но, к счастью, положим. И, в общем-то, у нас были все шансы благополучно доскользить до подножия не то горной цепи, не то нагорья. Там, у подножия, начиналась широкая долина. И выглядела она очень и очень странно: до самого горизонта всё пространство было усеяно идеально ровными столбами, с вершушками, покрытыми чем-то вроде зеленоватого мха. О их высоте судить было сложно, расстояние слишком большое. Но, как мне показалось на первый взгляд – она точно была не меньше двух метров. Между столбами то тут то там блестели полыньи со стоячей водой.

Зафиксировав девушку в противоперегрузочном кресле пятиточечным ремнём, я рванул на командирское место. И только теперь понял, почему Кай запустил двигатели.

Рядом с нами шёл ещё один грязевой поток. Побольше нашего. И в нём то и дело мелькали скальные глыбы, размером с наш челнок. Что самое плохое – эти потоки сходились вниз, перед самым впадением в долину.

– Молодец, – я одобрил действия напарника, взглянул на приборы и усилием воли перешёл в супер-режим. Конечно, у челнока был довольно продвинутый автопилот, но мне он был не соперник. Да и ситуация была, мягко говоря, нестандартной, – дальше я.

Кай молча кивнул.

На старте пришлось немного понервничать. Похоже, поверхность плиты, на которой мы стояли, была не совсем твёрдой. Вероятно, шасси частично провалились в осадочную породу. На расчётной мощности отрыва не произошло, и я продолжал плавно увеличивать тягу, пока, наконец, мы не оказались в воздухе.

Стараясь сэкономить горючее, я сразу увеличил горизонтальную скорость, чтобы челнок мог опереться на крылья.

Я рассчитывал, что удастся отделаться небольшим прыжком до ближайшей ровной площадки. Но не тут-то было: Земля сильно изменилась.

Раньше нам как-то не приходилось особо искать место для приземления. Достаточно стабильное и плоское каменистое плато находилось на раз. Теперь же внизу под нами бушевало море жизни.

Плато со «столбиками» оказалось довольно обширным болотом. В паре сотен километрах южнее оно переходило в настоящие зелёные заросли. Некоторые деревья были тридцати-сорока метров в высоту! Конечно, они выглядели совсем не так, как привычные ели или даже секвойи. Стволы без веток, покрытые геометрически правильным узором каких-то насечек.

Разумеется, ничего этого во время полёта в обычном состоянии я бы зафиксировать не успел, но я все ещё был «в режиме». Надеялся быстро найти подходящую площадку – но, очевидно, поискам суждено затянуться.

Я нехотя вернулся в обычное состояние.

Почувствовал привычный голод – но резервуар скафандра был уже пуст.

– Придётся лететь до моря, – сказал я, отстёгиваясь и поднимаясь с кресла пилота, – возьми управление. Я схожу на камбуз

– Принято, первый, – кивнул Кай, и взялся за штурвал.

Девушка всё так же сидела пристёгнутая в кресле, вцепившись в подлокотники кресел. Ногтевые пластины на её пальцах посинели, и контрастно выделялись на фоне бархатистой чёрной кожи.

– Ты понимаешь меня? – спросил я на русском, остановившись рядом.

Девушка подняла голову, и посмотрела на меня.

– Ты понимаешь меня, – повторил я утвердительно, – ты голодна? Или хочешь пить? Пойдем со мной, если так. А то будет обидно – из космоса ты спаслась, а умрёшь с голодухи, – я натянуто улыбнулся своей неловкой шутке.

– Почему вы говорите на разных языках? – неожиданно спросила девушка.

– Потому что мы с разных планет, – ответил я, присел перед девушкой на корточки, и добавил: – а почему ты их знаешь?

Девушка чуть нахмурилась, поджала полные губы и почесала переносицу.

– Не знаю, – тихо произнесла она.

– У вас красивый язык! – вмешался Кай; он по прежнему пилотировал челнок, и говорил не оборачиваясь, – я хочу его выучить.

– Тебе придётся это сделать, – ответил я, вздохнув.

– Это очень странно... – снова заговорила девушка, на марсианском.

– Я так понимаю, ни кто ты такая, ни откуда ты не помнишь? – спросил я на том же языке.

– Нет... – она помотала головой, – это какой-то ужас...

– Ладно, разберёмся, – сказал я, понимаясь, – так что насчёт перекусить? И, кажется, ты спиной сильно к переборке приложилась. Я бы сводил тебя в медотсек.

– Медотсек – это место, где помогают больным, верно? Спросила девушка, и чуть отстранилась, чтобы дать мне возможность отстегнуть ремни.

– Ага, – кивнул я, – верно.

– Это так странно... так много незнакомых слов, но на каждое будто из ниоткуда всплывает образ. Где я могла видеть медотсеки раньше? – она потёрла виски.

– Имени ты тоже своего не помнишь?

Наша гостья грустно покачала головой.

– Ясно. Значит, ты можешь сама себе имя придумать. Такие дела.

– А это обязательно? – спросила девушка.

– Ну как мы тебя называть будем? – снова вмешался Кай из пилотского кресла, – обязательно, конечно. У человека должно быть имя.

– Я помню... хотя нет, – она покачала головой, – это не правильное слово. Я знаю, что у женщин особые имена. Обычно они отличаются от мужских. Но не могу вспомнить ни одного. А как вас зовут?

– Я Григорий, – улыбнулся я, протягивая ей руку по земному обычаю, – можно просто Гриша.

Я назвал своим настоящим именем, а не его марсианским аналогом. И сказал это по-русски.

– Приятно, Григорий, – девушка чуть сжала мою ладонь.

Это был важный момент. Значит, она знакома с земными обычаями из моего времени.

– Гри-го-ра? – повторил по слогам Кай, – это твоё настоящее имя? На земном языке?

– Зови меня Гриша, – ответил я, – да, это моё имя. А язык называется русский, – произнёс я, намеренно растягивая слоги, чтобы Кай лучше расслышал.

– Мне тоже надо имя земное придумать! – сказал напарник.

– Ты очень удивишься, – ответил я, – но в этом нет необходимости.

Девушка была очень голодна. Было видно, какой ценой ей давалось соблюдение достоинства, как она сдерживала в себя, чтобы не начать есть прямо руками. Марсианские столовые приборы были ей явно знакомы. Или же она просто от природы была чрезвычайно сообразительной.

– Детта? Одетта? Глория? Виктория? – произносил я с небольшими паузами. Мы так договорились – я говорю любые женские имена, которые приходят мне в голову, а она уже определяет – подходят ли они ей. Имена я называл земные. С марсианскими заморачиваться не имело смысла по очевидным причинам.

– Лилия? Роза? Виолетта? – подумав о Марсе, я перешёл на цветочные имена.

– А как бы ты меня назвал? – спросила девушка, сделав пару глотков из стакана с водой, – на кого я похожа. Как ты думаешь?

Она посмотрела на меня.

У меня ушло несколько секунд на то, чтобы сообразить, что она состроила мне глазки!

Удивительное дело: я даже покраснел.

– Таис, – сказал я, – тебе идёт имя Таис.

Возможно, я был немного зол на себя, когда придумал это. За то, что плохо контролировал свою физиологию. Но имя знаменитой афинской гетеры ей действительно шло.

– Таис... – произнесла девушка, будто бы пробуя имя на вкус, – мне нравится. Пускай будет Таис. Приятно познакомиться, Гриша.

– И мне, – ответил я.

– Мне кажется, что всё это происходит во сне, – сказала Таис, почему-то шёпотом, – это ведь не может быть правдой, верно? Вот это всё. Ты. Этот парень – Кай. Самолёт этот ваш... я когда поняла, что это сон – успокоилась.

– Думаю, это естественная защитная реакция психики, – сказал я, – привыкнешь со временем. Считай, что это всё сон – если это никак не мешает тебе жить и поступать адекватно.

Всё это время, наблюдая за Таис, я пытался придумать любое хоть мало-мальски логическое объяснение тому, что она говорила на русском. Ведь до самого появления человека на Земле ещё сотни миллионов лет! Разве что информация как-то попала в прошлое... ещё один тюрвинг, или что-то более замороченное?

А потом меня осенило. Мы ведь с Каем и есть такие носители информации. Что если Таис считала знания языка непосредственно в наших головах? И продолжает получать оттуда же готовые образы?

Мне стало немного не по себе. Если девушка телепат – она вполне могла прочитать то, что я невольно думал, когда увидел её полностью обнажённой!

Я снова покраснел. Второй раз за время короткого разговора.

– Ты умеешь читать мысли? – спросил я напрямую.

Таис посмотрела на меня с недоумением.

– Кажется, это телепатия называется, да? – осторожно спросила она, – но я почему-то знаю, что слово такое есть, но самой телепатии не бывает. Это фантазия. Верно?

– Не знаю, – я отрицательно помотал головой.

И в этот момент мне пришла в голову мысль, как можно проверить эту гипотезу.

11

Я распечатал фотокопии журнала и других документов с венерианской сферы. Конечно, я сохранил их, хотя и не смог быстро и полностью разобраться в содержании. Надеюсь, что в будущем появится больше свободного времени или же я узнаю другие методы и алгоритмы анализа, которые позволят более эффективно применить мои способности.

Удивительное дело – я, с одной стороны, хотел, чтобы Таис прочитала венерианские записи. А с другой – не очень, потому что тогда у меня не оставалось рабочих гипотез насчёт того, кто она такая. Незнание всегда пугает.

На камбузе Таис была не одна. Пока я ходил за распечатками, Кай спустился с мостика.

– Автопилот включил, – сказал он, увидев меня, – летим на дозвуковой, чтобы горючее экономить. Высотный дрон показал, что до моря часа два лёту.

– Ясно, – кивнул я, сдерживая недовольство; в конце концов, напарник действовал согласно рекомендациями, а прямых указаний не покидать пост я не давал, – вот, посмотри, – я протянул Таис распечатки, – можешь что-то прочитать?

Девушка взяла листы из полимера, который на Марсе заменял бумагу, пробежала глазами по строчкам, и произнесла что-то непередаваемо-чирикающее.

– Стоп-стоп-стоп, – я остановил её, – так понимаю, ты читаешь?

– Ну, да, – девушка пожала плечами, – ты же сам попросил.

– Как называется этот язык? – спросил я, и только через секунду понял, что вопрос был глупым.

Таис опять что-то чирикнула.

– А можешь это перевести на марсианский? – вмешался Кай.

– Могу, – кивнула девушка, – наверное. Надо попробовать. Там есть некоторые слова, которые я не знаю как будут на твоём языке.

– Это не важно, – ответил Кай, – когда будет такое попадаться – попробуй описательно рассказать, что это такое. Раз уж тебе это слово знакомо. Хорошо?

– Ладно, – кивнула Таис, – и, поглядывая на листы, начала переводить.

Венерианцы ничего не знали о Создателях и считывании. Но довольно быстро выяснили, что их планету много раз посещали гости из разных миров. Инопланетные артефакты для них не были чем-то из ряда вон выходящим; их обнаруживали в довольно большом количестве. Почти все были совершенно бесполезными вещами, инопланетным техногенным мусором, следами неудавшейся колонизации или остатками катастроф.

Поэтому тюрвинг, как и на Земле, представлял исключительную ценность.

Я, конечно, надеялся, что изучение части документов позволит хотя бы косвенно судить о том, что произошло с их миром, и почему он в конце концов превратился в перегретую кислотную парилку, а не в серую массу, каким он должен был стать после считывания.

Мои надежды оправдались кратко. Среди прочего, в документах было что-то вроде манифеста. Открытой декларации, обозначающей цель создания сферы вокруг тюрвинга.

Это была отчаянная попытка горстки технической интеллигенции сохранить наследие погибающего мира, утонувшего в междоусобицах с использованием всего мыслимого арсенала оружия. Не только ядерного – но и тектонического, климатического, биологического.

Учёные стартовали с уже погибающей планеты, унося с собой всё, что было необходимо для возрождения мира на новом месте: замороженные эмбрионы и семена, а то и просто образцы ДНК тех существ, которые уже были уничтожены к моменту старта экспедиции.

И это ведь им почти удалось. Если бы не сработал неизвестный «фактор тюрвинга», который, видимо, нашёл способ добраться до неавторизованных хозяев...

– Какая грустная история, – сказал Таис, завершив перевод декларации, – получается, они убили сами себя... свой мир...

– Похоже, что так, – ответил Кай, и добавил, обращаясь ко мне, – как-то неожиданно, да? Я промолчал. В голове был полный хаос. Как-то слишком всё запутывалось и усложнялось.

Во-первых, девушка, похоже, владела всеми языками Солнечной системы – как теми, которые ещё не появились, так и теми, которые давно погибли вместе со своими носителями. Как это вообще возможно? Создатели свободно путешествуют во времени, и собирают все данные обо всех цивилизациях в системе постоянно? До считывания? И кто тогда Таис? Их конструктор? Но с какой целью создавать конструктора – полиглота, и помещать его в эти пузыри внутри этого безумного ажурного ужаса?

Каждый новый вопрос порождал десять следующих.

Во-вторых, венерианцев, судя по всему, не успели «считать». Да и с создателями они так и не познакомились. И что же это значит? Зонд ведь послал сигнал, они должны были явиться за марсианами, а заодно почистить систему! Они ведь всегда так делают! Или нет?

Что, если им помешали? Тогда кто эта таинственная сила, способная воевать с создателями? Они наши союзники, и смогут помочь в будущем? Или ещё более страшные враги?

Важнейшие вопросы, на которые нужно искать ответы. Я чувствовал, что где-то среди них будет и ответ на самый главный вопрос: как спасти Землю в будущем?

Свет на камбузе замигал, принимая тревожный красный оттенок. Это автопилот сигнализировал о том, что заложенная программа близка к исполнению, и по протоколу для завершения полёта требуется присутствие живого человека в кабине.

12

Мы приводнились возле берега, на мелководье. Пока летели, Солнце уже склонилось к закату. Таис едва сдерживала зевок, это было заметно; да и я, честно признаться, подустал – очень много всего уместилось в предыдущие несколько часов. Даже если не считать прыжка в будущее на сотни миллионов лет.

– Какой интересный мир, – сказала Таис, поглядывая на берег, – когда мы оказались на крыле, я подумала, что кругом какая-то пустыня. А потом мы вдруг оказались на том склоне! Тут очень беспокойной и опасно, раз ледник может подняться за считанные минуты.

Мы с Каем переглянулись.

– Понимаешь, какая ситуация... – осторожно сказал я, – мы... в общем, мы не совсем там, где мы были, когда я принёс тебя на корабль.

– Это-то понятно! – улыбнулась Таис, – мы летели-то сколько! А ещё когда мы только оказались здесь, тут была пыльная буря, да? А сейчас воздух смотрите какой прозрачный.

– Мы переместились в будущее, – вмешался Кай, – наш корабль может создавать особое поле. Мы называем его полем стазиса. Когда оно активировано, мы как бы исчезаем из обычного хода времени. Останавливаются все процессы. Это похоже на глубокую заморозку – разница только в том, что нас ещё и совершенно не видно снаружи. Потому что время останавливается внутри шарообразной складки пространства.

– Это хорошо, что ты всё объяснил, – Таис подняла бровь, – плохо, что я ничего не поняла.

– С того момента, как ты оказалась на корабле там, снаружи, прошло несколько сотен миллионов лет, – пояснил я.

Таис посмотрела мне в глаза. Потом весело прищурилась и прыснула.

Мы с Каем остались серьёзными.

– Так, вы не шутите, значит, – констатировала она, после чего вздохнула и потёрла виски, – какой странный и безумный сон...

– В далёком будущем на этой планете будет существовать развитая цивилизация, – продолжал я, – появятся города, страны и очень много людей. По морям будут ходить корабли, а по воздуху летать самолёты.

– И нам очень надо туда попасть, – вмешался Кай.

– Откуда вы знаете? И зачем вам это?

– Я – из того мира, который будет. А Кай, – я указал на напарника, – он с Марса. Это другая планета в нашей системе. Жизнь на ней погибла после того, как в неё врезался астероид. Я знаю, потому что я из будущего. И мне нужно вернуться, чтобы спасти мой мир. А Кай мне в этом помогает.

Таис устало вздохнула. Посмотрела сначала мне в глаза, потом Каю.

– Слушайте, ребят... – сказала она, – а у вас случайно не найдется юбки? Платья? Ну или, там, хотя бы комбинезонов?

Мы с Каем снова переглянулись.

– Не ходить же мне в этом одеяле все время? – она указала на укутывающую её блестящую плёнку.

Комбинезон нашёлся. Правда, значительно больше по размеру – его пришлось позаимствовать из запасов Кая, потому что мой был ещё больше. Таис аккуратно подвернула рукава и штанины и, если сильно не придирается – выглядела вполне сносно. В моё время такую одежду могли даже принять за модный наряд.

Сложнее было с обувью. Наши обычные магнитные ботинки не подходили – даже когда мы набили носки салфетками, они оставались слишком громоздкими и неудобными для Таис,

чтобы в них можно было ходить. Промучившись какое-то время, мы нашли другое решение: среди запасов я нашёл запасные компрессионные чулки для ног, предназначенные для ношения в скафандре. Они подсоединялись к гидравлической системе, и могли регулировать давление на нижние конечности. Мы их обрезали в районе стоп – в сжатом состоянии они были как раз более-менее подходящего для Таис размера. Получилось что вроде грубых жёстких носков или же полусапожек на низкой подошве.

Таис осталась довольна.

После решения вопроса с одеждой Кай отвёл девушку в одну из пустующих кают для экипажа, активировал бытовую систему, и объяснил, как пользоваться душем и прочими удобствами. А всего через двадцать минут системы челнока зафиксировали, что девушка легла в кровать и, судя по всему, сразу уснула.

Мы же устроили что-то вроде совещания на камбузе.

Я сделал тонизирующий травяной настой – марсианский аналог кофе.

– Зонд тебя не засёк, – сказал Кай, – уже хорошо. Всё-таки интересно, что ты там видел?

– Все записи в системе скафандра. Кстати, посмотри потом – будет интересно твое мнение, – ответил я.

– Сделаю, – кивнул Кай, – как быть с сушей? Такая беда – по всему континенту, – очевидно, напарник говорил про густую растительность, занявшую грандиозные пространства. На такой поверхности не то, что стартовать в стазис – даже сесть невозможно.

– Есть такое дело, – согласился я, – похоже, мы в карбоне. Я не то, чтобы спец в палеонтологии. Знаю только основные вещи – и то, потому что поисковиком работал. Искал захоронения на местах сражений.

– Благородное дело, – заметил Кай.

– Да не то, чтобы... – вздохнул я, – точнее, не всегда. Ну да я не об этом. Что я помню о карбоне? Основные залежи угля в это время появились. Растения сушу заселили, очень плотно. Так что найти место для старта будет не просто, – я сделал небольшую паузу, – я не всё успел тебе рассказать. Понимаешь, какая ситуация... мы приближаемся ко времени, когда в истории Земли произошла грандиознейшая катастрофа.

– Какого рода?

– Массовое вымирание. Самое крупное в истории, как говорят.

– У нас было подобное, – кивнул Кай, – за сто миллионов лет до твоего появления. Тогда вымерло почти тридцать процентов живых существ. Скорее всего, это произошло из-за падения астероида... – он вздохнул, – кто бы мог подумать, что это повторится... у вас тоже астероид упал, да?

– У нас в истории несколько крупных вымираний, – сказал я, – скорее всего, некоторые из них мы уже проскочили. Но самое крупное точно впереди. Вымрет гораздо больше, чем тридцать процентов живых существ. И произошло оно... то есть, произойдет не из-за метеорита. И в этом проблема.

– Круто тут у вас. Весёлый мир, – Кай удивлённо поднял брови, – но постой. Если дело не в метеорите – это разве проблема? Мы же на Луне не остановились именно из-за метеоритов, да?

– Не только, – ответил я, – помнишь я говорил, что там Создатели должны будут ловушку поставить? Я не хотел рисковать. Конечно, поле стазиса напрямую они не засекут. Но пока ищешь подходящее место для ловушки столкнуться с изолированной областью очень даже можно.

– Ладно. Метеорит невозможно предсказать, если нет точных данных из будущего. Есть риск попасть в место удара. Но, если посчитать, он ведь не должен быть таким уж высоким, да? Хотя стоп, ты же говорил, что не в метеорите дело. Но что может быть ещё опаснее? Создатели?

– Мы думаем, что две цивилизации устроили что-то вроде большой войнушки в нашем прошлом. С применением ядерного и гравитационного оружия.

Кай даже рот приоткрыл.

– Я видел следы этого. Одна из цивилизаций, возможно, планировала колонизацию. Они много чего успели понастроить, что сохранилось даже спустя сотни миллионов лет. Транспортные системы. И даже космические челноки. И Создатели по каким-то причинам это не уничтожили, хотя мы знаем, что они не очень-то любят чужие техногенные артефакты...

Тут я осёкся.

Мне в голову пришла очень важная мысль. Возможно, самая важная с момента начала нашего путешествия. И на Земле и на Венере техногенные артефакты сохранились.

Почему?

Самый очевидный ответ – потому что обе планеты на момент начала моего путешествия в прошлое не подвергались считыванию. Значит, «большие чистки» в системе происходят не постоянно, а только тогда, когда «считывается» какой-то из миров.

Значит, зонд Создателей не постоянно присутствует в системе.

Для чего же он явился тогда, в прошлом? Была ещё одна цивилизация в системе? Или же он приходит тогда, когда в системе появляются чужаки? В этом случае вполне возможно, что несостоявшиеся колонизаторы боролись с Создателями!

– Нифига себе, – прокомментировал Кай.

– Вот и я о чём.

– У тебя же был какой-то план? Как проскочить это время?

– В общих чертах, – вздохнул я, – если честно, я надеялся, что нам сильно повезёт, и мы проскочим это время. Но учитывая количество остановок, которые мы уже совершили – уже ясно, что не проскочим. Если кто-то начнёт осваивать планету, а потом защищать её от вторжения – поле стазиса они скорее всего обнаружат.

– Ну и какой выход? Начать переговоры с одной из сторон? Договориться?

– Нет, – я покачал головой, – у нас принципиально разные интересы. Переговоры смысла не имеют. Надо во что бы то ни стало прорваться через этот период незамеченными.

– Но как?

– Надо будет выйти из стазиса в самом начале освоения Земли. И прятаться в реальном времени. Используя стазис только на небольших промежутках, когда будем уверены, что убежище столько выдержит.

– Очень сомнительно, – Кай скептически скривил губы, – если ты говоришь о колонизации и большом строительстве – это всё может занять сотни лет! И что, мы будем бегать от пришельцев в прошлом твоего мира, пока не состаримся?

– Мне известно, где были самые крупные поселения, – ответил я, – их разрушили в первую очередь. Буквально утопили в лаве. Это было в Сибири. Сейчас это отдельный материк в северном полушарии, который постепенно сливается с Лавразией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.